

Одна на всех победа

Сборник эссе к 67-летию Великой Победы.

Великий Новгород
2012

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Одна на всех победа

Сборник эссе к 67-летию Великой Победы

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
2012

ББК 63.3 (2 Но) 62
О-43

Одна на всех победа: сб.эссе к 67-летию Великой Победы /
О-43 сост. А. Ф. Булгакова; под ред. А. Ф. Булгаковой; НовГУ им.
Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2012. – 152 с.

ISBN

Эту небольшую книжку написали преподаватели, сотрудники и студенты Политехнического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого — машиностроители, строители, архитекторы, дизайнеры, автомобилисты, теплоэнергетики. Взяться за перо этих, далеких от литературного творчества, людей вдохновили большая любовь к Родине и безграничное уважение к людям, которые выстояли и победили в годы тяжелых испытаний. В книжке собраны записанные студентами воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, блокадников, «детей войны» и тех, кто восстанавливал разрушенные города.

ББК 63.3 (2 Но) 62

ISBN

© Новгородский государственный
университет, 2012
© А. Ф. Булгакова составление, 2012

Содержание

- 8 На закате окончился танковый бой
Даниил Плюта, Иосиф Нозадзе
- 12 На живых порыжели от крови и глины шинели
Ульяна Апостолова
- 15 И в той войне я победил!
Антон Антонов
- 19 И завтра, наконец, последний бой
Алексей Иваровский, Иван Волков
- 21 Мы ждали его всю жизнь
Алла Михайловна Веселитская
- 31 Война изменила всю мою жизнь
Евгений Давыдов, Виктория Бедрина
- 34 Он хотел бы забыть о войне
Марьяна Кушманова
- 36 Позабыть нельзя
Вячеслав Сизов
- 39 Воевать и работать для Родины
Семёнова Дарья
- 42 Мы рассчитывали только на себя
Юрий Михайлович Левков
- 52 Полит солдатской кровью День Победы
Алексей Козлов
- 55 Это невозможно забыть
Таисия Александровна Воронова

- 67 Хорошо запомнился день Победы
Анатолий Алексеевич Черезов
- 71 Земли родной минувшая судьба
Артём Гаврилов
- 80 На всю оставшуюся жизнь
Роман Орлов
- 83 Мгновения его жизни
Олег Зеленский
- 89 К нам ворвалась фашистская свора...
Андрей Белов
- 96 Верили, что самое страшное позади
Юлия Ермоленко
- 99 Нам есть чем гордиться!
Евгения Белоусова
- 104 Слово «война» громом ворвалось
в дома новгородцев...
Людмила Петровна Дрозд
- 114 Мы стояли грудью за Кавказ
Елена Ивановна Вязина
- 129 Отзывы об экскурсии по улицам Новгорода
- 133 Отзывы об экскурсии в Долину мужества
- 147 Отзывы о лекции В. Н. Варнаева
в Детском музейном центре
«Теодор Свиклин. Слово о генерале»

**Вам, живым и павшим героям Великой
Отечественной войны, посвящается
этот сборник**

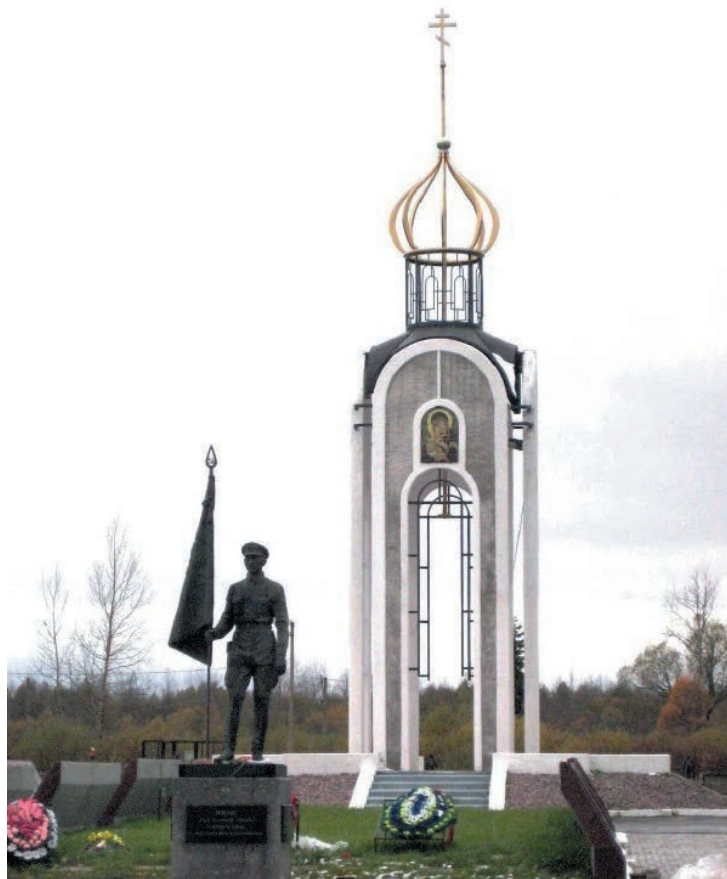
*Как мало их осталось на земле
не ходят ноги и тревожат раны,
и ночью курят, чтобы в страшном сне,
вновь не стреляли в них на поле брани.*

*Мне хочется их каждого обнять,
теплом душевным с ними поделиться,
Была бы сила, чтобы время вспять...
но я не бог...война им снова снится.*

*Пусть внукам не достанется война,
и грязь её потомков не коснётся,
пусть курит бывший ротный старшина
и слышит, как внучок во сне смеётся.*

Юрий Соловьёв (05.05.2008 г.)

**Эту небольшую книжку написали преподаватели, со-
трудники и студенты Политехнического институ-
та Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого — машиностроители, стро-
ители, архитекторы, дизайнеры, автомобилисты,
теплоэнергетики.**

Взяться за перо этих, далеких от литературного творчества, людей вдохновили большая любовь к Родине и безграничное уважение к людям, которые выстояли и победили в годы тяжелых испытаний.

В книжке собраны записанные студентами воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, блокадников, «детей войны» и тех, кто восстанавливал разрушенные города.

Раненко М. Э.
Проректор НовГУ
по социальному развитию
и воспитательной работе

Молодое поколение
получает верные
моральные
ориентиры.

Раненко М. Э.

Торжество советского народа в победе над немецко-фашистскими захватчиками — свидетельство его беспрецедентного мужества и героизма. Но, к сожалению, всё меньше и меньше остаётся с нами ветеранов — тех, кто ковал Победу в Великой Отечественной войне. Тем значительнее становится гражданский и нравственный посыл, который несут их рассказы о великих событиях двадцатого века!

В этой книге собраны эссе, которые на основе бесед с ветеранами написали студенты Политехнического института НовГУ.

Эти ребята — не профессиональные литераторы или журналисты, однако им удалось передать яркие, эмоциональные, идущие от души впечатления от встреч с «живой историей».

Выпуском сборников студенческих эссе, основанных на воспоминаниях ветеранов, не ограничивается патриотическое воспитание в Политехническом институте НовГУ. Силами студентов, преподавателей и сотрудников института проводятся многочисленные встречи с ветеранами, разнообразные экскурсии по местам боевой славы; волонтеры объединения «Патриот» помогают ветеранам-инвалидам, ухаживают за воинскими захоронениями и др. Молодое поколение, приобщающееся к великой истории, вновь и вновь оценивает масштаб подвига своих дедов, получает верные моральные ориентиры.

Хочу еще раз поблагодарить всех, кто трудился над этим сборником и пожелать дальнейших успехов в патриотическом воспитании молодежи!

Даниил Плюта

Иосиф Нозадзе

Даниил Плюта
Иосиф Нозадзе
гр. 0061

На закате окончился танковый бой

Владимир Станиславович Жук родился 10 ноября 1921 года в Москве. В 1940 году после окончания школы поступил в Ульяновское танковое училище им. Владимира Ильича Ленина (теперь оно расформировано). Там его и застала война.

Вот что рассказал ветеран:

«В связи с началом войны, курс обучения ускорили. В октябре 1941 года мне присвоили звание воентехника 2-го ранга

и направили в Сталинград, в формирующуюся там 89-ю танковую бригаду, которой командовал полковник Котюков. В бригаде, впоследствии вошедшей в состав первого танкового корпуса, я и прошёл боевой путь с октября 1941 года по май 1945-го. Воевал на фронтах: Брянском, Юго-Западном, Западном, 1-м и 2-м Прибалтийских, 3-ем Белорусском. Занимал должность техника по ремонту боевых машин, командовал взводом и ротой.

Впервые мне самому довелось вступить в бой в мае 1942 года. Мы сдерживали натиск врага. Вскоре я был ранен и получил контузию. После краткосрочного восстановления вернулся в боевой строй. Мы сдерживали южную группировку немцев под Воронежем, чтобы не дать им соединиться с основными силами.

И хотя от нашего первого танкового корпуса осталось к тому времени очень мало боевых единиц, **мы свою задачу выполнили — Воронеж не был взят немцами!** Потом нас перебросили южнее.

Там под Тулой мы провели четыре боя в таком неполном составе, и только после этого прибыло пополнение. Нам удалось ввести немцев в заблуждение, не позволив им обнаружить местоположение своих основных войск.

В Сталинграде же ситуация стала запредельной — немцы вышли к Волге.

19 ноября три танковых корпуса Северо-Западного, Донского и Сталинградского фронтов решали задачу окружения немецкой группировки Ф. Паулюса. Цель была одна — не задерживаясь, не вступая в бой, сковать, замкнуть в кольцо армию Ф. Паулюса.

Мы в первый же день прошагали почти 35 км, в бои не вступали, обходили вражеские укрепления. Сильное сопротивление встретили в конце, в районе Широкино. Танковая группировка Маништейна, которая находилась южнее, была направлена на выручку немецким войскам,

Даниил Плюта, Владимир Станиславович Жук, Иосиф Нозадзе

чтобы прорваться и вывести их из кольца. Но у них ничего не вышло.

*В ноябре и декабре шли бои под Шировикино. Прибыл новый взвод. А бомбёжки были страшные. Мы вели бои даже 31 декабря. И вот наступил рассвет, а немцев уже как ветром сдуло. Мы их преследовали 30 км, и, наконец, достигли. Выполнив, по сути, свою задачу, мы понесли большие потери. **В этом бою я опять был ранен, и снова Бог миловал — я остался в живых.***

После войны Владимир Станиславович продолжил службу в Вооружённых Силах: в Прибалтийском военном округе, в группе советских войск в Германии, а также в составе группы советских военных специалистов в республике Куба. Занимал должности: от заместителя командира батальона до начальника Бронетанковой службы танковой армии в званиях от капитана до полковника.

В 1972 году уволен в запас, а в 1981 году ушёл в отставку, отдав службе в Вооружённых Силах 38 лет.

За 55 лет службы и труда награждён Родиной семью боевыми орденами и пятью медалями; медалями: «За безупречную службу» 1-ой степени, «Ветеран Вооружённых Сил СССР», «Ветеран труда», Знаком Почётного участника парада Победы 24 июня 1945 года, а также 21-ой юбилейной и почётной медалями.

Владимир Станиславович Жук

Нам, ныне живущим, надо знать и помнить, что Великая Отечественная война была войной народной, войной великой. Ни США, ни Великобритания не одолели бы фашистскую Германию, могучую военную машину Гитлера, если бы не мощь СССР, если бы не фантастическое мужество и самоотверженность советского народа, если бы не потрясающий героизм солдат и офицеров, если бы не ум, выдающийся талант и железная воля советских полководцев.

Ульяна Апостолова

Ульяна Апостолова
гр. 9072 зу

Мой прадед с чистой совестью мог сказать: «Я сделал всё, что было в моих силах, чтобы выполнить этот священный долг».

На живых порыжели от крови и глины шинели

Эту рукопись передала мне моя мама Ольга Альбертовна Апостолова. Долгие годы работал над ней мой прадед Евгений Павлович Сазонов. Вот его воспоминания в моём кратком пересказе.

Уроженец Владимира, рано потерявший родителей, Евгений Павлович окончил Кремлёвскую военную школу в 1934 году. Получил назначение командиром взвода в 79-й стрелковый полк 27-й стрелковой дивизии.

В отпуске (перед службой) в городе Суздале, встретил подругу жизни — Анастасию Ивановну Коекину — и женился. С молодой женой уехал в Белорусский военный округ, в город Лепель. Став кадровым офицером, посвятил армии четверть века своей жизни. За эти годы командовал взводом, пулемётной ротой, был командиром стрелкового батальона, преподавал в Рязанском военном училище, был начальником штаба полка, командовал стрелковым полком.

В годы войны жизнью прадеда был фронт. Он принимал участие в защите Москвы, в прорыве блокады Ленинграда, в освобожде-

нии Латвии. В боях был дважды ранен. За боевые заслуги награждён орденами «Боевого Красного Знамени», «Отечественной войны» 1-ой степени, «Красной Звезды», медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги» и многими другими.

Война застала его в Смоленске. В ту пору он служил в стрелково-пулемётном военном училище в звании капитана. Сразу же подал рапорт с просьбой направить его в действующую армию. Был назначен на должность начальника штаба 1209-го стрелкового полка в 363-ю стрелковую дивизию.

Прадед рассказывал, как они с комбатом и связными, укрывшись за сараем, наблюдали за наступлением наших подразделений, и вдруг в центре группы разорвалась мина. Волной всех разбросало.

«Поднимаясь с земли, — вспоминал Евгений Павлович, — я увидел: командир батальона сидит на снегу, перед глазами держит кисти рук. Они у него все окровавленные, кровь течёт прямо на снег. Остальные из нашей группы лежат на земле. Слышны стоны».

Прадед вместе с другими ранеными был срочно отправлен в полевую госпиталь. После излечения в апреле 1942 года был назначен командиром 1255-го стрелкового полка 379-ой стрелковой дивизии.

А дальше предстояли тяжёлые бои по разгрому Ржевско-Вяземской группировки гитлеровских войск и за освобождение древнего русского города Ржева. Именно сюда моего прадеда и забросила судьба.

В апреле 1942 года 379-я стрелковая дивизия после тяжёлых наступательных боёв перешла к активной обороне в районе Лышево, Ванево. Полк был сильно потрёпан. Вместо трёх стрелковых батальонов, фактически, был один, а также специальные подразделения полка.

Передний край обороны проходил по высотам юго-западнее деревни Черново. Боевое охранение — в 500 метрах от переднего края. Чтобы попасть в боевое охранение, нужно было преодолеть лесистую по склонам местность и лощину, заросшую по дну кустарником.

Прозвали её «лощина смерти», и название соответствовало действительности. В этом Евгений Павлович убедился, когда пошёл знакомиться с боевым охранением.

«Проходя по «лощине смерти», — рассказывал ветеран, — я увидел, что везде лежат трупы: не то наших, не то немцев. Очевидно, они покоились там с начала зимы, так как были покрыты снегом, и казались продолговатыми кочками».

Там, в этой лощине, мой прадед чуть не расстался с жизнью из-за взрыва мины. Но, к счастью, ему удалось спастись!

За успешное командование полком в период активной обороны и выполнение задачи по сковыванию противника на участке фронта мой прадед получил свою первую награду — медаль «За отвагу», которую вручил ему командир дивизии, полковник В. А. Чистов. В июне 1942 года Евгению Павловичу присвоили очередное воинское звание — майор.

О боевых действиях 379-ой стрелковой дивизии написана книга «Шла дивизия на запад» под редакцией бывшего начальника политотдела дивизии, полковника К. В. Иванова. Боевой путь полка — это трудный и большой путь мужества десятков тысяч преданных Отечеству людей, это рассказ о героизме всех народов России.

Когда воспоминания пишутся непосредственными участниками событий, они представляют особую ценность, больше впечатляют. Свой вклад в летопись войны внёс и мой прадед — Евгений Павлович Сазонов.

В те грозные годы для каждого советского человека главным было служение Родине. Мой прадед с чистой совестью мог сказать: «Я сделал всё, что было в моих силах, чтобы выполнить этот священный долг».

Время неумолимо отсчитывает годы. **Время всеильно, но только над памятью оно не властно, и боль утраты постоянно взывает ни- когда не забывать не вернувшихся с полей сражений, не забывать ветеранов, ушедших от нас уже в мирное время.**

Антон Антонов
гр. 7061

Мы в долгу перед солдатами самой тяжёлой и долгой из всех войн.

Антон Антонов
и Семен Абрамович Рапопорт

И в той войне я победил!

Беседуя с участником Великой Отечественной войны, лауреатом Форума «Общественное признание» Семёном Абрамовичем Рапопортом, я ещё раз прочувствовал, какие тяжёлые времена пришлось пережить нашим ветеранам.

Летом 1941 года в городе Павловский Посад, в 65 км от Москвы, немцы начали бомбить вокзал. С этого дня и началась война для Семёна Абрамовича Рапопорта, тогда ещё 16-летнего подростка.

Отец Рапопорта добровольцем попал на фронт только с третьей попытки. Военкомат дважды отказывал ему по состоянию здоровья и только с третьего раза внял его настойчивым просьбам. К сожалению, уже через месяц пришло известие о гибели отца.

Осенью 1941 года весь 8-ой класс, в котором учился Семён, мобилизовали на трудовой фронт — на строительство оборонительных сооружений в городе Серпухове. 16-летние мальчишки и девочки копали траншеи, устанавливали «ежей» — в общем, делали всё, чтобы задержать противника.

Вернувшись домой, он начал работать на фабрике. А 7 января 1943 года был призван в Красную Армию. Попал в 10-ю гвардейскую воздушно-десантную роту в г. Раменске Московской области. Там и началась подготовка к военным действиям. Среди молодых новобранцев были и девушки, которые так же, как и мужчины, ответственно и бесстрашно выполняли боевые задания.

В 1944 году Рапопорт командовал отделением разведки.

«Продвигались пешком через лес к реке Свирь, — вспоминает ветеран, — сопровождая знамя части. Но попасть налево, к берегу реки было непросто: враг был на чеку. Только после обстрела «катюшами» враг бежал, а мы смогли навести понтонный мост и пройти дальше».

Семён Абрамович участвовал также в боях на территории Карелии. В отделении, которым он командовал, было 12 человек, и все — разных национальностей. Надо понимать, что если бы между бойцами не было сплочённости, доверия, дисциплины, достичь победы было бы намного труднее. Русские, армяне, евреи, казахи — все были друг за друга.

В одном из боёв Рапопорт был ранен. Вот как вспоминает он о своём боевом ранении:

«Осколком разорвавшейся мины пробило правое бедро. Упав на землю, я увидел, как один из моих бойцов, Дубинин Владимир, по-пластунски ползёт ко мне под пулями и взрывами. Это ли не героизм и взаимопомощь на поле боя! Наскоро перевязав, он оттащил меня в безопасное место, и уже оттуда санитары доставили меня на носилках в госпиталь. Но так как в прифронтовом госпитале операций не делали, меня направили в Лодейное Поле, и там

хирург прооперировал, вынул осколок. За три месяца лечения в госпитале я поправился».

После госпиталя Рапопорта направили в Ярославль в пулемётно-миномётное училище. Он всегда хотел быть военным, служить Родине и, видимо, это и было его судьбой. Находясь в летнем боевом лагере, курсанты получили весть о Победе. Всю войну ждали этого события, но восприняли, как большую неожиданность. Все были счастливы.

После войны ветеран попал в свой родной город, учился в военном инженерном училище. Но позже его направили в Ростов-на-Дону, и уже там в 1947 году он закончил учёбу. Тогда ему было 22 года.

Училище окончил с «отличием», поэтому имел возможность выбора. Он уехал в Новочеркасск — преподавать в школе сержантского состава.

У Рапопорта — много наград. Есть орден Отечественной войны 1-ой степени, медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и другие.

Я горжусь тем, что мне довелось пообщаться с Семёном Абрамовичем. Его можно, по праву, назвать Героем. **Я безгранично благодарен ему и всем, кто выстоял в Великой Отечественной войне, кто ценой чудовищных потерь, своей кровью, ратными трудами и высоким патриотизмом добыл Победу.**

Мы в долгу перед солдатами самой тяжёлой и долгой из всех войн, перенесённых до сих пор человечеством.

Спасибо вам, наши герои! Низкий вам поклон!

А как живут сегодня наши ветераны, что они думают о нашей жизни?

Сейчас Рапопорту 86 лет, но, несмотря на почтенный возраст ветерана, его трудно застать дома. Он и сейчас «в строю». Активно работает в ветеранских организациях, встречается с молодёжью.

«Всю свою молодость я занимался спортом, участвовал в различных соревнованиях, спартакиадах. В то время желание заниматься спортом было у всех или, по крайней мере, у многих. А сегодняшняя молодёжь спортом занимается мало и неохотно, и меня это удивляет и огорчает. Наверное, большую часть времени она проводит у экранов телевизора или компьютера, а, может, в ночных клубах.

Очень много ненужной информации из рекламных роликов и сериалов впитывает наше молодое поколение. Это тоже вызывает, по-видимому, интерес к алкоголю и сигаретам. Нужны ли на экране курящие герои или роскошные застолья в таком количестве? Это влияет на молодёжь не лучшим образом. Как можно говорить о будущем страны, когда вокруг столько курящих и пьющих молодых людей? Что уж говорить о наркомании! Столько негативной информации! Как разобраться в ней молодёжи, как удержаться от соблазнов и стать физически и нравственно здоровыми людьми?

Раньше было много фильмов, на героев которых хотелось быть похожими. Нужно показывать и смотреть эти фильмы. Они интересны и современной молодёжи. Нужно строить больше спортивных площадок, внушить любыми способами молодым, как важно быть здоровым именно сегодня, когда жизнь такая непростая. Сама молодёжь должна поверить в то, что в её руках будущее, и сделать правильный выбор. За неё никто ничего не решит. **Когда она возьмёт в свои руки свою судьбу и судьбу страны, только тогда будет положительный результат — богатая страна и счастливые люди».**

От себя хочу сказать: мы, молодые, должны быть внимательнее к солдатам Победы. У них не всегда достойная пенсия, не всегда к ним внимательна местная власть. А каково им видеть спивающееся молодое поколение? Они воевали не за это. Давайте и для них тоже, не только для себя, попытаемся измениться к лучшему. Стоит чуть-чуть постараться, и у нас всё получится. Я в этом уверен.

**Алексей Иваровский
Иван Волков**
гр. 9411

Каждое последующее поколение должно относиться к подвигам предков с уважением и благодарностью.

Иван Волков
и Иван Герасимович Зимин

И завтра, наконец, последний бой

Иван Герасимович Зимин родился в 1927 году в крестьянской семье в деревне Лотниково Читинской области.

Ветеран рассказывает:

«В 1944 году вместе со своими тремя друзьями я был призван в ряды Советской Армии. Это у меня получилось не сразу. Сначала из военкомата меня хотели отправить обратно, потому что дома оставалась большая семья: шестеро братьев и сестёр, больная мать. Отец, врач по профессии, в начале войны ушёл на фронт.

Мне предлагали отсрочку, но я решил служить. Был направлен на Забайкальский фронт, станцию Домно Читинской области, где находилась школа младших авиационных специалистов (ШМАС).

Шесть месяцев проучился в школе, изучил самолёты «ИЛ-4», разные истребители и сдал экзамены. Приобрёл специальность механика по вооружению бомбардировочной авиации».

В ночь на 9 августа 1945 года начались боевые действия между СССР и Японией. Подготовка с нашей стороны была сильная. Японцы тоже готовились, но они не ожидали, что наш удар будет таким молниеносным.

«Наш полк, — продолжает Иван Герасимович, — участвовал в высадке десантных войск, начиная от Мукдена и вплоть до Пекина. Это имело огромное значение для победы.

Япония капитулировала 3 сентября 1945 года. Мы освободили народы Китая, Монголии, Вьетнама, Кореи.

За действия нашей авиации в Маньчжурии мы были награждены медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией», а также благодарностью от Сталина».

После успешного завершения военных действий на Дальнем Востоке Зимин был переведён в Новгородскую область. Лечился в военном госпитале у реки Гзень.

Новгород в то время (в 50-х годах) был полностью разрушен. После лечения Иван Герасимович был направлен в посёлок Кречевицы, где в течение 12 лет прослужил старшим авиационным механиком самолётов «ИЛ-4», а затем «АН-12». В 1970 году демобилизовался. Уже через несколько дней поступил на работу в Новгородский политехнический институт, где долгие годы работал старшим механиком кафедры физики. В настоящее время Зимин на пенсии и вот уже 10-й год является председателем городского Совета ветеранов-дальневосточников, принимавших участие в разгроме Японии.

Многие события военных и послевоенных лет довольно спорны, но очевидно одно: каждое последующее поколение должно относиться к подвигам предков с уважением и благодарностью.

**Алла Михайловна
Веселитская**

Зам. председателя городского
Совета ветеранов

Мы не верили, что отец
погиб, и ждали его всю
жизнь.

Алла Михайловна Веселитская

Мы ждали его всю жизнь

**Я родилась 17 февраля 1940 года в военном городке
Идрица Великолукской (сейчас Псковской) области.**

Отец, Попов Михаил Александрович, 1910 года рождения, окончил Ленинградский техникум советской торговли и был направлен в Красную Армию на курсы младших офицеров. В 1939 году участвовал в Советско-Финской войне.

Мама, Попова Анна Ивановна, 1915 года рождения, окончила в Москве курсы библиотечных работников.

Познакомились родители в Великих Луках. Отец в то время был в звании лейтенанта. Поженившись, они уехали на место службы отца, в военный городок пос. Идрица (сейчас это город). Здесь я и родилась.

Попов Михаил Александрович

Вскоре воинскую часть, где служил отец, направили в Латвию в г. Либава (Лиепая). Мама вместе со мной приехала к нему через полгода. Семьи военнослужащих были расквартированы по частным домам.

Летом 1941 года все военнослужащие были в летних лагерях у границы. Обстановка в приграничных районах становилась всё напряжённее. По выходным отец приезжал домой и рассказывал, что немцы с другой стороны границы подтягивают войска, и что война неизбежна. Он уговаривал маму поскорее уехать вглубь страны. Но мама

ждала второго ребёнка, и мне было меньше полутора лет. Поэтому ехать одна она не решалась.

На рассвете 22 июня 1941 года отец, который служил в артиллерийских войсках, прискакал на лошади. Попрощался с нами, и больше мы его никогда не видели.

Воинская часть немедленно покинула город, и сразу же началась «охота» на семьи военнослужащих. Латыши, не принявшие советскую власть, начали вырезать русские семьи. Наша квартирная хозяйка нас не выдала. Спрятала в погребе в лежащей кадушке, накрыла тряпьем, а затем огородами вывела к офицерскому клубу. Мама успела только взять корзиночку с документами и бутылочку молока для меня и, как была в халате, так и побежала. Мы чудом попали в одну из двух машин, на которых эвакуировали семьи военнослужащих, успевших добраться до клуба. Некоторые женщины отправились за детьми в пионерский лагерь.

В 1964 году случай свёл меня с бывшим директором этого лагеря, женой замполита воинской части, в которой служил мой отец. Она рассказала, что в то утро лагерь бомбили. Уцелевших детей пришлось спешно выводить и вести до ближайшего железнодорожного узла.

Мама вспоминала, что, когда мы добирались до ближайшей станции, навстречу шли немецкие танки. Люди в панике прятались в лесу, потом возвращались в машины и ехали дальше. Поскольку машины были с латышскими номерами, немцы их не трогали.

Первая станция после бомбёжки оказалась разрушенной, пришлось ехать к следующей. Дети от голода и страха начали плакать. Взрослые увидели стадо коров, палками отогнали пастуха и собак и надоили молока, чтобы накормить детей.

Когда мы подъезжали к следующей станции, то увидели, что поезд уже начал трогаться. Машинист притормозил, и женщины с детьми на ходу позаскакивали в вагоны.

По дороге поезд несколько раз бомбили. Люди в суматохе и панике выбегали из вагонов. Один раз мама провалилась в канаву, и её начало засасывать в топкое болото. Прозвучал гудок, люди ринулись обратно в вагоны, а мама все никак не могла выбраться. Она просила о помощи, но все пробегали мимо...

И всё же мир не без добрых людей. Одна пожилая пара, увидев застрявших беременную женщину с ребёнком, вытащила нас из канавы.

Видимо, страх, пережитый в детстве при бомбёжках, надолго врезался в моё подсознание, потому что я до сих пор панически боюсь грозы.

Везли нас куда-то на юг. В поезде у мамы начались роды, и вскоре появился на свет мой брат. На ближайшей станции в городе Сызрань нас сняли с поезда, маму отправили в роддом, а меня — в детдом. В роддоме добрые люди дали маме кофту, юбку, пару пелёнок и распашонок, и с этим нехитрым скарбом она четыре месяца в теплушках добиралась до Сыктывкара, родины отца.

Алла Михайловна Веселитская
в детстве

А там уже лежал снег. В Сыктывкаре мама получила похоронку на отца — замкомандира батареи 793-го артиллерийского полка 257-ой стрелковой дивизии. Отец погиб 5 декабря 1942 года под городом Великие Луки. На братском захоронении в Великих Луках, где я не раз бывала, значится и его фамилия.

После освобождения Великих Лук от фашистов мама с двумя малолетними детьми на руках вернулась на свою Родину — в деревню Боровицы, где её ждал ещё один удар — немцы сожгли родительский дом вместе с парализованной матерью

и новорождённым племянником. А сад вырубил. Остались мы опять под открытым небом — ни кола, ни двора. Даже землянку выкопать некому, а тогда многие жили в землянках.

Нужно было как-то жить дальше, и маме пришлось завербоваться рабочей на склад боеприпасов, в 25 км от Риги. Склад располагался в сосновом лесу за колючей проволокой. На территории был барак для вольнонаёмных рабочих, где мы и жили в маленькой комнатухе. Электричества не было. Комната освещалась коптилкой из гильзы. Здесь я закончила первый класс. Писали мы в школе на старых газетах, учились по одному учебнику на всех — хорошо, что жили в одном бараке.

1946-49-е годы были морозными, неурожайными и голодными. Разруха ужасная! **Наша семья испытала сполна все лишения послевоенного лихолетья. Не было одежды и обуви. Мы с братом до самых заморозков бегали босиком.** У меня были обморожены руки и ноги, и я долго не могла ходить. Как только выпадал первый снег, мама вместе с другими женщинами отправлялась в поле — копать гнилую картошку. Из нее прямо на чугунных

кругах пекли оладьи. Эти оладьи почему-то казались нам очень вкусными! Однажды латыши спустили на женщин собак, и мама пришла вся искусанная.

В стране была карточная система. Продуктов, получаемых по карточкам, не хватало. А есть так хотелось!

В лесу промышляли банды «лесных братьев», в войну верой и правдой служивших фашистам. Многие латыши нас, русских, не любили. Бандиты всеми силами стремились проникнуть на территорию базы, чтобы взорвать склад. Ночами нас пугали сирены. Жители базы в страхе просыпались, а наутро узнавали, что был убит часовой.

Детям запрещалось выходить за территорию базы. Однако мы, дети, находили лазейки и бегали на разбитые хутора, где собирали ещё зелёные плоды: яблоки, вишни, горькие сливы. Ранней весной ели почки, всякую траву, заячью капусту...

В одну из таких вылазок мы напоролась в лесу на бандита, вылезающего из бункера. От неожиданности и мы, и он растерялись, но страх заставил нас припустить во весь дух. Рядом была военная база, и бандит, чтобы не обнаружить себя, стрелять не стал. Мы слышали за спиной топот его тяжёлых сапог, и, так как недалеко был контрольно-пропускной пункт, то мы подняли крик. На КП рассказали часовым. Наши родители получили выговоры, а мы — хорошую взбучку за самовольный уход с территории базы. Но спустя какое-то время, мы нашли новые лазейки. Голод — не тётка.

Самым страшным испытанием стал месяц, когда у нас украли продовольственные карточки. Зимой это была бы верная гибель. Но нас спасло то, что была весна — росли щавель, крапива. Вот мы и ели баланду из воды, щавеля и крапивы. Изредка кто-либо из соседей давал картофельные очистки. Мы бросали их в эту баланду, и ели ее — без соли.

Всё детство нас сопровождали золотуха, вши, чесотка. Весной 1948 года к нам из Великих Лук приехал мамин брат и уговорил вернуться на родину. Он был вторым секретарём горкома пар-

1 класс

тии и помог маме получить комнатку, где-то в бывшем туалете или ванной, без окна и с цементным полом. Там было полно крыс. Мама запирала нас в комнате, и мы в темноте на кровати (это козлы, на которых был настил из досок) всё время проводили на матрасе, набитом соломой.

Приближался сентябрь, а комната не отапливалась. Пришлось маме снова вербоваться. На этот раз нас ждал Кёнигсберг (Калининград). Приехали мы туда в сентябре. Поселили нас на окраине города в маленьком домике-вилле, где жили три семьи. Со временем внутренние помещения разгородили, и нам досталось 6 метров.

Город — сплошные руины. Серый, мрачный, чужой. Разбитые коробки домов и груды кирпича. Действовал комендантский час. Недалеко от нас был лагерь немецких военнопленных. Их использовали на расчистке руин целлюлозно-бумажного комбината. Вечерами мы, дети, бегали «бить фашистов» из рогаток, когда они возвращались с работы. Шли они понуро, опустив глаза, с обмотанными вокруг шеи грязными полотенцами, ёжась от холода. Их сопровождал конвой с собаками. Женщины плевали в их сторону и что-то кричали, ибо боль от утрат и пережитых ужасов была ещё слишком сильна.

Когда я смотрю хронику начала войны, и вижу, как немцы с автоматами и собаками ведут пленных советских солдат, оборванных, израненных, по нашей территории, то я всегда вспоминаю прямо противоположную картину из своего детства: наш конвой с собаками ведёт пленных немцев по немецкой земле, в Кёнигсберге. И в руках наших солдат — винтовки со штыками.

Возмездие неотвратимо! Получили то, что заслужили.

Выживать в городе было сложно. Огородов не было. Пенсия на нас двоих с братом была 330 рублей (часть получала бабушка — мать нашего отца, которая жила в Сыктывкаре), а буханка хлеба стоила на рынке 200 рублей. Да к тому же постоянные принудительные подписки на займы отнимали у семьи последнее.

Спасало лето. Мама будила нас с братом очень рано, и мы за 3-5 км ходили в лес за ягодами. Лес был нашпигован минами. Очень много людей подрывалось. Но голод заставлял забыть про опасность.

Мы собирали чернику и малину, и мама строго следила, чтобы мы не ели ягод, так как она старалась их продать или обменять на вещи или крупу и другие продукты питания. **Мы были абсолютно раздетыми. Из-за отсутствия одежды и обуви брат пошёл в школу в 9 лет.** Мама сшила ему ручную из фланели шаровары и толстовку, и в этой одежде он ходил до самых заморозков.

Однажды в лесу напоролись на немецкую землянку, где лежали останки трупов. А сколько там было клопов! Попытались спуститься по прогнившим ступенькам, но войти побоялись, так как увидели зелёные ящики из-под снарядов.

После войны было много вернувшихся с фронта искалеченных людей. По выходным они выстраивались с алюминиевыми кружками перед рынком. Помню этих калек — без рук, без ног, на самодельных, выструганных из дерева колодках. Особенно запомнился человек без ног, с ампутированными по локоть руками, чье туловище было засунуто в колодку-мешок, прибитую к тележке с подшипниками. На культы рук были надеты дощечки, обтянутые тряпками. Ими человек отталкивался

от земли и так передвигался. Подшипники-колёса сильно громыхали...

Все жалели этих несчастных, но монеты в кружки бросали лишь немногие, так как все сами были нищими. Этот жуткий звон монет в кружках до сих пор стоит в моих ушах. Потом все эти калеки куда-то исчезли...

Игрушек у нас не было. Их заменяли найденные нами в развалинах стеклышки и черепки от изразцовых печей. Мальчишки из деревяшек делали пистолеты, надевали ржавые простреленные каски, которых в лесу было предостаточно. Любимая игра — «в войну». Однажды они нашли череп с волосами, надели его на палку и начали пугать нас, девочек.

Материально нашей семье жилось ох как тяжело. Мы были нищими. В крохотной комнатухе, кроме кровати из козел (сбитых крестом брёвен и деревянного настила), практически ничего не было. Матрас — мешок, который мы набивали сухими листьями, но они почти сразу превращались в труху.

Во время войны не все дети могли учиться, и во втором классе были переростки 10-12 лет.

По заводскому гудку взрослые шли на работу, а дети — в школу. Взрослые трудились не покладая рук весь световой день. А в выходные мама вместе с другими женщинами ходила на заготовку кирпичей. Город надо было расчищать от завалов и восстанавливать. Женщины набрасывали на стены верёвки и тянули на себя, а потом складировали отобранные кирпичи.

Однажды маму принесли чуть живую: на неё упала стена. Маму положили в больницу, и остались мы с братом совсем одни. Мне тогда было 10 лет, а брату — 8 с половиной. После школы мы ходили к ней в больницу. Стоим под окнами палаты и зовём её. **Мама выглядывает из окна и плачет. Другие люди смотрят и плачут вместе с ней. Мы тогда не понимали почему. Сейчас я понимаю, что вид худых, плохо одетых, нищих детей, у всякого человека, способного чувствовать, вызывал сострадание.**

Мы помогали маме и на заготовке дров. Она брала у соседей займы топор и пилу, и мы зимой отправлялись в лес. Можно было одно сваленное дерево взять себе, а два других нужно было сдать предприятию. Пилить было очень трудно. Пила гнулась, её зажимало стволом. Надо было давить на ствол, а сил у маленького брата не было. Мама сердилась, кричала на нас и от бессилия плакала. Мы ревели вместе с ней. Потом надо было обрубить ветви (это делала мама) и распилить ствол на чурки. Хворост мы с братом для топки плиты собирали с лета.

В школе на уроках я часто падала в голодные обмороки. Однажды после очередного обморока моя учительница Ольга Александровна Сорокина попросила меня помочь ей донести до дома тетради. Её муж был военным, а военные получали пайки. У них дома была корова. А их сын был частично парализован и передвигался на костылях.

Ольга Александровна налила мне стакан молока, но я отказывалась пить. Я не могла себе это позволить, так как дома был голодный младший брат. Тогда она налила мне молока в баночку, и я отнесла его домой. Какое это было счастье! После этого она иногда просила меня посидеть с её сыном (он был младше) и всегда давала что-то из еды. Причину такого внимания ко мне я поняла, только став старше, — добрая женщина нас жалела.

Мы жили на окраине города, и с 4-го класса нас водили в ближайший колхоз — собирать колоски. Это было нелёгким испытанием. Солома больно ранила руки и босые ноги. А в старших классах нас водили на развалины домов — собирать ещё пригодные для дела кирпичи.

Было очень обидно, когда нас, детей, оставшихся без отцов, обзывали «безотцовщиной», и все проделки других детей сваливали на нас, так как мы были беззащитны. Наши мамы работали от темна до темна и не могли нас защитить.

Тяжело и горько было нам, голодным, видеть, как наши одноклассники вынимали на перемене из портфелей куски хлеба с повидлом, а мы — безотцовщина — стояли, смотрели и глотали

слёзы. Иногда, не выдержав, просили: «Дай откусить кусочек», а в ответ получали: «Вы, попрошайки, надоели».

Когда я училась в 4-ом классе (1952 год), мама перешла работать посудомойкой в кафе. В свободное от учёбы время мы ходили ей помогать. Остатки хлеба и другой еды складывали в баночку. А вечером из этих объедков устраивали пир. Прошло 7 лет после окончания войны, а голод и разруха нас не отпускали. Трудно было жить без сильного мужского плеча. Мы не верили, что отец погиб, и ждали его всю жизнь.

Так и жили (не жили, а выживали) дети, чьи отцы сложили свои головы на фронтах Великой Отечественной. Мы влачили жалкое, нищенское существование. Все ли это понимают теперь?

Эти стихи я посвятила своему погибшему отцу.

*Я портрета касаюсь рукой.
А в душе неизбывная мука.
Я не знала тебя, дорогой.
Оттого так печальна разлука.
Почему развела нас война?
И за что меня так наказала?
Я спросила судьбу, а она
Мне в ответ ничего не сказала.
Разбросала семью, разнесла
По израненной нашей России.
Похоронка, зачем ты пришла,
И на взлёте меня подкосила?
Вы сражались в неравном бою.
До последнего вздоха стояли.
За детей, за деревню свою,
Свою жизнь за Россию отдали.
Муки прошлого спать не дают.
Боль моя до сих пор не изжита.
С детства помню обиду свою.
Память временем так и не смыта.*

Евгений Давыдов

гр. 7041

Виктория Бедрина

гр. 7381

Клавдия Ивановна
молит Бога
только об одном:
чтобы никогда
не повторилось
то страшное время.

Виктория Бедрина

Война изменила всю мою жизнь

Клавдия Ивановна Абрамова (в девичестве Булатова) родилась в Смоленской области в 1929 году. В 1935 году умер её отец, и остались у мамы на руках три дочки. Клава — самая младшая. Когда началась война, ей было 11 лет.

Клавдия Ивановна вспоминает:

«Наша деревня была в 180 км от Москвы, и немцы её оккупировали в первые месяцы войны. Бывало, приедут с пулемётами, по-хозяйски шарят везде, как у себя дома. Мама даже пчёл прятала, сеном накрывала».

Недалеко от деревни часть наших войск попала в окружение. Иногда солдатам удавалось оттуда сбежать. Сельчане старались им как-то помочь. В семье Булатовых жил один такой парень —

Виктория Бедрина, Клавдия Ивановна Абрамова,
Игорь Петрович Абрамов, Евгений Давыдов

его выдали за брата. Потом на него кто-то донёс. Парня увели, и, что с ним случилось дальше, никто не знает.

Ещё одного бойца, вырвавшегося из окружения, немцы поймали и повесили посреди деревни на дереве. Так и висел — мужчине не было, чтобы снять. Потом уже сами немцы сняли труп и закопали.

Когда фронт подошёл совсем близко, и стреляли прямо через деревню, Булатовы переселились в овощехранилище. Как-то появились немцы, дали час на сборы и погнали всех на запад, подальше от линии фронта. Булатовы тоже пошли и взяли с собой корову. А по дороге вдруг колонну стали обстреливать наши. Почему так получилось, непонятно. Бросили вещи и побежали врассыпную. Корову, правда, осталась на дороге.

«Пригнали нас в город Гжатск (теперь Гагарин), — рассказывает Клавдия Ивановна, — накормили. Сколько-то прожили там, и опять нас погнали дальше — в Германию. Хорошо, что все мы были вместе — мама и трое детей.

Сначала — это было осенью 1943 года — отправили в Белоруссию, а потом дальше — в Восточную Пруссию. Определили нас к какому-то фермеру, недалеко от Кёнигсберга. Жили мы у этого хозяина, как прислуга. Работали, где велят: пололи огород, убрали, мыли посуду. И очень ждали, когда же придут наши. Несмотря на то, что многие после войны остались в тех краях, мы там чувствовали себя чужими, неполноценными людьми. Только и говорили: «Вот придут наши и освободят».

И, наконец, наступил февраль 1945 года. Шли бои за освобождение Европы. Как-то мы прятались в подвале, и вдруг услышали русскую речь — наши! Вышли. Нам сказали, куда идти, и, конечно, расспрашивали, как мы сюда попали. А потом предложили: хотите — оставайтесь, работайте, хотите — уезжайте домой. Так мы, все четверо, и стали работать в передвижном госпитале действующей армии.

После капитуляции Германии, нас перебросили на Дальний Восток, а в 1946 году часть расформировали, нас уволили, и мы поехали домой.

Наша деревня была полностью разрушена. Жили в соседней. А чуть позже переехали в знакомый нам Гжатск, где и поселились в бараке бывшего лагеря для военнопленных. Жили там до 1955 года. Ну, а там я уже вышла замуж, и мы с мужем уехали на Север.

Война изменила всю мою жизнь и наложила отпечаток на мой характер. *После войны на всех, кто был в оккупации, будто клеймо стояло. Даже не во все учебные заведения нас принимали. Это сейчас всё изменилось, и с 1985 года я стала пользоваться льготами ветерана войны».*

Когда Клавдии Ивановне не спится, она вспоминает войну. И тогда молит Бога только об одном: чтобы никогда не повторилось то страшное время, чтобы детям и внукам не довелось пережить то, что пережила она.

Марьяна Кушманова

Марьяна Кушманова
гр. 9073 зу

Мы должны
ценить мужество
старших поколений,
помнить, сколько
кровапролития
и горя принесла
война русской земле.

Он хотел бы забыть о войне

Я помню дедушку строгим и молчаливым человеком, который мало рассказывал внукам о войне. Это были самые тяжёлые его воспоминания, о которых он, возможно, хотел забыть.

Война... Она принесла беду в каждый дом: матери потеряли своих сыновей и дочерей, жёны не дождались мужей, дети остались без отцов. Разрушены города и сёла, всюду голод и холод, боль и разлука, страдания и смерть.

Миллионы людей не просто пережили военное лихолетье — они выстояли и победили. **Если бы наши дедушки и бабушки не отстояли страну в годы войны, то что было бы с нами теперь?** Страшно представить, какой была бы наша сегодняшняя жизнь. Много лет прошло с тех пор, но ещё живут рядом с нами фронтовики, блокадники, «дети войны» — нынешние пенсионеры, и для них война — незаживающая рана.

Когда я рассказываю сыну о Великой Отечественной войне, которая украла детство у целого поколения, то говорю, что его дедушка был героем этой страшной войны, одним из тех, кем гордятся наша семья и страна.

Мой дедушка, Николай Васильевич Семёнов, родился 20 января 1924 года в деревне Ершено Старорусского района Новгородской области. В 1939 году окончил неполную среднюю школу (7 классов).

Когда началась война, ему было 17 лет. В действующую его армию не взяли, и он ушёл в партизаны. Воевал в 66-м партизанском отряде 4-ой Ленинградской партизанской бригады под командованием Ивана Ивановича Грозного.

Николай Васильевич рассказывал, что они жили в лесу, в землянках. Иногда приходилось ночевать под открытым небом, в снегу. В таких случаях ложились под деревья. К утру ноги так замерзали, что было не встать, и, чтобы подняться на ноги, приходилось держаться за деревья.

Дедушка был награждён медалью «За победу над Германией», 6 октября 1966 года — медалью «За боевые заслуги», а 27 января 1974 года в ознаменование разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом — памятным знаком «Ленинградский партизан», № 2164.

Память о том, какой ценой далась нашему народу Великая Победа, мы должны передать своим детям. Мы должны ценить мужество старших поколений, помнить, сколько кровапролития и горя принесла война русской земле.

Николай Васильевич Семенов

Вячеслав Сизов

Вячеслав Сизов
гр. 1041

Эти события происходили с зимы 1941 года и до прорыва блокады.

Позабить нельзя

Моя прабабушка, Черёмхина Анна Васильевна (в девичестве Сидорова), в годы Великой Отечественной войны воевала в 5-ой партизанской бригаде под командованием Карицкого.

Вот что рассказывала о войне моя прабабушка:

«Когда немцы оккупировали Лужский район, они появились и в нашей деревне. Немцы вели себя по-разному. Среди них были обычные люди, которым не нужна была эта война и всё, что затеял Гитлер. Немецкий врач, к примеру, был добрым и справедливым человеком. Не позволял своим солдатам и офицерам обижать женщин и детей. Он лечил не только своих раненых солдат, но и местных жителей, особенно много помогал детям. Если кто-то из солдат

позволял себе жестоко обращаться с мирным населением, то можно было пожаловаться немецкому доктору, и тот находил способ наказать обидчика.

Помню, в наш дом зашёл молодой немецкий солдат — было ему года 22. Сел на скамейку и заплакал. Мой отец спросил: «Что случилось?». Тот ответил: «Завтра нашу часть отправляют на фронт. Я не хотел идти на войну, не хотел убивать и умирать. У меня в Германии родители, я хочу домой».

Тогда мой больной отец, Сидоров Василий Дмитриевич, пожалел солдата, погладил его по голове и сказал: «Терпи, сынок, ничего не поделаешь». Солдат ответил: «Спасибо» и ушёл. Больше мы о нём ничего не слышали.

Вскоре немцы ушли из деревни на фронт, и я (а было мне 19 лет) осталась практически одна с двумя сёстрами, братом и двумя племянницами на руках. Отец из-за болезни ног не был призван в армию, но и дома помощи от него было мало.

Через короткое время в деревню пришли партизаны и предупредили людей, что к нам идут каратели и за связь с партизанами жестоко расправляются с населением. Всех желающих забрали с собой в отряд. Я вместе с детьми тоже ушла к партизанам в новгородские леса, так как Новгородская область граничила с нашим колхозом имени Володарского.

Как-то раз меня и ещё нескольких женщин взяли на задание. На станции Передольское пустили под откос поезд с немецкой техникой и солдатами. Когда повалились вагоны, всё загорелось. **Горящие немцы пытались выбраться из вагонов, но это мало кому удавалось, почти все сгорели заживо.** Меня охватил ужас, я видела, как горели и погибали люди. Потом была станция Кчера... и такое же страшное зрелище. Нас буквально трясло, мы долго не могли прийти в себя. После этого партизаны на такие тяжёлые задания женщин не брали. Они оставались в отряде, зани-

Черёмхина Анна Васильевна

После прорыва блокады 5-я партизанская бригада была вызвана в Ленинград для дальнейшего реформирования партизанских отрядов. Партизаны шли в Ленинград окольными путями целых три дня, потому что вокруг ещё было много немцев.

Эти события происходили с зимы 1941 года и до прорыва блокады.

мались разными хозяйственными делами, готовили еду. Делали это в основном ночью, чтобы немцы не увидели дым костров. Говорили обычно шёпотом, боялись себя обнаружить.

Был случай, когда партизаны пытались спасти от карателей деревню Бляхино. Деревня была на границе Новгородской области. *Но когда партизаны туда добрались, было уже поздно. Деревня была сожжена вместе с людьми. Спасать было некого».*

После прорыва блокады 5-я партизанская бригада была вызвана в Ленинград для дальнейшего реформирования партизанских отрядов.

Семёнова Дарья
гр. 8071

Мне хотелось бы, чтобы история войны была написана не просто сухим официальным языком, а была сложена из биографий таких замечательных людей, как мой дедушка.

Дарья Семенова

Воевать и работать для Родины

Мой дедушка, Анатолий Николаевич Шлеев, в начале войны вместе со своей матерью был эвакуирован в город Петровск Саратовской области. В ноябре 1941 года его направили в школу фабрично-заводского обучения (ФЗО) № 5 в Саратове.

После окончания учёбы он вернулся в Петровск и устроился мастером в ремесленное училище. В 1942 году был призван рядовым в Красную Армию.

С мая 1943 года стал курсантом 14-ой школы младших специалистов, после окончания которой был направлен в 567-й штур-

Анатолий Николаевич Шлеев

мовой полк 198-й штурмовой авиадивизии. В этом полку прослужил до конца войны. Впоследствии дивизия стала именоваться Варшавской, а полку присвоили название Берлинский. История этого полка описана в Большой советской энциклопедии.

Мой дедушка — храбрый человек. В войну было много случаев, когда нужно было проявить отвагу и смекалку. И ему это удавалось в полной мере.

После демобилизации дедушка приехал в Саратов к матери, которая всю войну работала в госпитале, а после войны там и осталась.

Анатолий Николаевич поступил учиться в Авиаторский техникум, а, проучившись два года, перебрался из Саратова в Старую Руссу; учёбу продолжил заочно. В Старой Руссе на 123-м Авиаремонтном заводе проработал почти 50 лет.

За ратные и трудовые подвиги награждён многими орденами и медалями.

Я считаю своего дедушку необыкновенным, уникальным человеком. Пройдя войну в столь юном возрасте, встретив Победу в Берлине, он не ожесточился и до сих пор остаётся добрым, мягким, понимающим человеком. Когда он уходил с завода на пенсию, многие его подчинённые плакали.

Каждый день в возрасте почти 90 лет он чистит снег, носит дрова, работает по дому. И вовсе не потому, что больше некому это делать. Деятельный по натуре, он не может сидеть сложа руки.

Они до сих пор живут вместе с бабушкой и два года назад отметили золотую свадьбу.

Мне хотелось бы, чтобы история войны была написана не просто сухим официальным языком, а была сложена из биографий таких замечательных людей, как мой дедушка. Я им горжусь и очень его люблю.

Вот что написано в книге истории завода:

«Анатолий Николаевич Шлеев. Более трёх десятков лет, вплоть до ухода на заслуженный отдых, он бесценно руководил механическим цехом. Это прекрасный организатор, принципиальный, требовательный к себе и к подчинённым, справедливый человек, к которому в коллективе относятся с большим уважением. Он умел найти выход из любого положения, не перекладывал заботы на плечи других и никогда не жаловался на трудности.

За время руководства цехом он организовал освоение ремонта узлов и деталей двух типов самолётов, внедрил множество технологических процессов, постоянно проводил реконструкцию участков, строил новые. Все годы цех ежегодно занимал призовые места в соцсоревнованиях. За успехи в труде Анатолий Николаевич награждён орденом Трудового Знамени, юбилейными медалями, множеством Почётных грамот и знаков. Он работал до 72 лет, но его память и, уму и энергии завидовали даже молодые. Коллектив цеха уважал Анатолия Николаевича, и все любовно звали его «батя».

Юрий Михайлович Левков

Юрий Михайлович Левков

Председатель городского Совета ветеранов

Мы рано повзрослели,
рано научились
работать.

Мы рассчитывали только на себя

Я родился в селе Посолодино Плюсского района Псковской области. Моё раннее детство пришлось на предвоенные и военные годы.

Те годы, которые мы обычно называем предвоенными, для нашей семьи и для многих других семей на самом деле тоже были военными, так как наши отцы были призваны на Советско-Финскую войну.

Мне было чуть больше года, когда в октябре 1939 года отец сначала был призван на сборы, а потом вместе с товарищем из нашего района отправлен на войну с Финляндией. А уже в декабре нам сообщили, что мой отец, Левков Михаил Ефимович, героически сражаясь с врагом, погиб на территории Финляндской республики 7 декабря 1939 года.

Примерно через полгода после гибели отца к нам домой пришёл его боевой товарищ, имени которого я, к сожалению, уже не помню, и рассказал, как это всё случилось.

Шёл бой, жестокий и очень трудный для наших бойцов. Природный ландшафт был сложным: большая пересечённость местно-

сти, густой сосновый лес. Товарища моего отца осколком тяжело ранило в руку. Отец перевязал истекающего кровью раненого друга и, отстреливаясь, потащил его по земле в укромное место. В какой-то момент был вынужден приподняться. И сразу же был смертельно ранен разрывной пулей. По словам этого товарища, отца в период временного затишья закопали где-то под сосной. Это всё, что я узнал от него о своём отце.

С конца 1939 года началась моя безотцовщина. В то время я, конечно, толком ничего не понимал в происходящих событиях. Помню только всегда печальные глаза моей мамы и бабушки. Бабушка уже была очень больна. Поэтому вся работа, мужская и женская, лежала на маминых плечах.

К началу Великой Отечественной войны мне было около 3-х лет. Так что я был для мамы не столько помощником, сколько источником ежедневных забот. Родившаяся в апреле 1940 года младшая сестрёнка прибавила ей ещё больше проблем. **До сих пор помню мамины слова: «Ты сейчас единственный мужчина в семье. Вот и поступай во всём как мужчина».**

Может быть, именно эти слова и побуждали меня брать на себя дела, для которых я был ещё слишком мал: принести в дом дрова, собирать щепок для просушки, а потом для растопки печи, помочь в уходе за скотом, в уборке дома и многое другое. Конечно, вся эта моя работа существенной помощью маме и бабушке не была, но зато я приобрёл первые навыки обращения с инструментами. И это мне очень пригодилось в будущем.

А когда мне хотелось погулять, мама разрешала, но при условии выполнения какого-либо задания.

На улице мы, ребяташки, были предоставлены сами себе. Нас было много. Мы играли в песке посреди дороги, обсыпали друг друга песком, давали друг другу подзатыльники, ставили синяки и шишки, придумывали на ходу нехитрые детские забавы. Например, лазили по заборам, под телегами, на штабелях дров, брёвнах, козлах. В общем, развлекались, как могли. Домой приходили с синяками, царапинами, в пыли и грязи, нередко в порванной одежде.

Юрий Михайлович Левков

Приходил в таком виде и я. Со скорбным видом выслушивал привычную порцию нравов и учений. Моя прогулка стоила маме дополнительных часов работы. Надо было стирать, чинить мои одёжки, а то и синяки лечить.

А ведь главной для мамы была работа в колхозе. Она отнимала много времени и сил. Сельхозтехники в то время было мало, многое приходилось делать вручную. Поэтому мама приходила с работы очень усталой и часто поздним вечером. А дома ждали дети, домашняя скотина, куры. Они требовали ухода. Всех надо было накормить. И уже поздно

ночью она выполняла какую-то работу по дому, готовила еду на завтрашний день, стирала, штопала, вязала, пряла.

Нередко в это позднее время к нам приходили другие женщины — соседки. Каждая делала свою работу. Они разговаривали, пели песни, чаще грустные. Пели, чтобы отогнать сон. **Работали так нередко до 3-4 часов ночи. А в 6 утра надо было вставать, чтобы обрядить скотину, истопить печь, накормить детей и опять бежать на работу.**

Дисциплина в колхозе была строгая. Работали обычно не по одному, а в группе. Поэтому приходиться все должны были в одно и то же назначенное время. Мой отец в своё время был одним из организаторов колхоза. Мама старалась его не подвести. Но и после гибели отца она сохранила такое же добросовестное отношение к работе.

Вот так и жили. Взрослые много работали, мало спали, растили детей, горевали о своих близких, погибших в Советско-Финской войне. А дети росли, рано взрослели, рано начинали понимать многое из жизни старших: как нелегко достаются кусок хлеба,

новые рубашка и штаны, чего стоит тепло в доме и крепкая, надёжная крыша над головой.

Но всё-таки мы были сыты, одеты и обласканы своими родными.

И вот новая беда — война с Германией.

Электричества, радиоприёмников в то время в нашем селе не было. Все новости узнавали из газет и от приезжих районных начальников. Стали призывать на войну мужчин. Запомнились горькие, очень горькие проводы. Село без мужчин как бы обезлюдело, осиротело. Осталось из них всего трое-четверо больных и старых.

Не успели отправить на войну мужчин, как совсем скоро война сама пришла в наше село. Уже давно до нас доходили слухи о том, как, начиная с отдалённых деревень, то в одном, то в другом месте появлялись немцы и начинали устанавливать свои порядки.

Появились они и у нас. Приехали на автомашинах и мотоциклах. А перед этим мы все, большие и маленькие, с ужасом долго всматривались в небо и вслушивались в гудение самолётов. И скоро даже мы, дети, научились отличать наши самолёты от немецких: «У, гады! Фашисты летят!».

И хотя все самолёты направлялись на Ленинград, воздушные бои бывали и над нашим селом. Вражеские бомбы рвались на дорогах, в огородах, попадали в дома. Запомнился один случай.

Мы, группа малышей 3-4 лет, играли в песке посреди дороги. Вдруг слышим рёв моторов в небе. Запрокинули головы, смотрим, как атакуют друг друга наши и немецкие самолёты. Там и сям падают и взрываются бомбы. Мы, глупые, стоим, разинув рты, смотрим в небо и никуда не прячемся.

Когда воздушный бой закончился, я пошёл домой — весь в пыли, в грязи, в царапинах от комьев земли и разных деревяшек, разлетающихся в разные стороны от взрывов бомб. Прибежал домой, а там беда: снаряд попал в угол дома, проломил стену. Но все домашние — мама, бабушка, сестричка и двоюродный братик — все были живы.

Мама в сенях бросилась с плачем ко мне навстречу. Обнимала, целовала меня и в то же время шлёпала ниже спины. Они уже и не надеялись увидеть меня живым. А я тут как тут. В общем, досталось мне тогда. И поделом.

Заняв наше село, фашисты приступили к установлению нового порядка. Был назначен староста, появились полицаи.

Как сейчас помню: староста на коне и с нагайкой в руке. Вокруг него женщины. Он им что-то кричит, приказывает, размахивает нагайкой. Мы, малыши, выглядываем из-за угла, дрожим от страха.

Дети постарше вместе со своими родными убежали в лес. В лесу, всего в 5-7 километрах от села, создавались партизанские отряды. Но и там, особенно на первых порах, было нелегко. Не было оружия, хлеба, других продуктов.

Иногда по ночам раздавался стук в окно. Это смельчаки из леса приходили за продуктами и сведениями о фашистах. Оставшийся в селе народ помогал продуктами, пока было чем помогать. К сожалению, все запасы подходили к концу. Партизаны своими действиями против немцев очень их раздражали.

Помню, как фашистское начальство на селе время от времени собирало всё население в центре села. Не зная, что их ждёт, люди прихватывали с собой самое необходимое. На сходе начинались разборки. Пытались выведать у сельчан, у кого ночью были люди из леса, заставляли признаваться. Но люди молчали. Тогда кого-то одного брали в заложники, и если всё равно ничего не удалось узнать, заложника расстреливали. Это бывало много раз.

И всё-таки в эти первые месяцы войны кровопролитных боёв непосредственно на территории села не было.

Пока же немцы с каждым днём всё подозрительнее стали относиться к жителям села. Были угнаны в Германию молодые девушки, в их числе и моя тётя — двоюродная сестра моего отца. Ей было всего 15 лет. Помню, как их провожали, как плакали матери, другие родственники.

А девочки, прижавшись друг к другу, окружённые немецкими солдатами, с наставленными на них винтовками, стояли бледные, с распухшими от слёз лицами. Плакали от свалившегося на них горя и от предстоящей неизвестности.

А через какое-то время опять было приказано собраться в центре села с вещами всем жителям. Бабушки и мамы пришли с детьми, с узлами. Что-то долго говорили через переводчика немецкие офицеры. Стояло несколько грузовиков с откинутыми задними бортами. И вдруг многие взрослые заплакали, запричитали. Заплакали и моя мама с бабушкой. Немецкие офицеры стали выкрикивать фамилии женщин и приказывали им забираться в кузов автомашин. Когда мы, дети, поняли, что происходит и что от нас забирают маму, мы заревели в голос, стали цепляться за её подол. Солдат отталкивал нас, угрожая прикладом.

И вот уже кузова 2-3 грузовиков заполнены женщинами. Борта закрываются, и женщин увозят.

Так мы остались без мамы. И не только мы. Много нас таких было, у кого матерей подготовили к отправке в Германию.

Но нам и нашим мамам повезло. После того, как наших матерей увезли на грузовиках, нам с бабушкой удалось ночью убежать в лес на бывший хутор в 5 км от села. Там к тому времени уже собралось порядочное число жителей из окрестных деревень. Фашисты знали это место, но боялись леса и не совали туда нос. Но зато часто бомбили и обстреливали наш лесной лагерь.

Так мы жили без мамы. Но, к счастью, это было недолго. Уже через несколько дней мы узнали, что партизанам (возможно, совместно с действующей армией) удалось отбить у немцев группу женщин, отправленных в Германию. Среди них оказалась и наша мама. Конец разлуки наступил, когда мы в нашем лесном лагере увидели подъезжающую конную повозку, в которой была группа женщин, и среди них наша мама.

Жизнь в лесу была тяжёлой. Немцы часто бомбили. Продуктов не было. Как сейчас помню, наше сидение в укрытии. Это такое деревянное помещение, поставленное в естественном углублении

и зарытое со всех сторон землёй, сверху укреплённое бревенчатым накатом и закрытое толстым слоем земли. Отсиживались там во время бомбёжек.

Иной раз прятаться от снарядов приходилось подолгу. Все хотели есть. Ребятишки плакали. **Все опять и опять проверяли свои карманы в надежде найти что-то съедобное: кусочек заскорузлой лепёшки, засохшую ягоду, сорванную в лесу в период затишья, сладковатые корешки каких-то растений.** Всем этим делились между собой. В первую очередь поддерживали детей.

Наше село находилось на перепутье дорог. Посередине села стояла большая церковь с высокой колокольней. Село, очевидно, представляло для фашистов большой интерес, и они не однажды в период наших наступательных операций стремились снова и снова его отобрать.

Часто силы были неравными, и наши войска вынуждены были на какое-то время отступить. Но перед отступлением предупреждали нас, население, то есть женщин и детей, что продержатся ещё полчаса или час. Мы за это время успевали убежать в лес, до которого было километра два. В зимних условиях, по глубокому снегу быстро не побежишь, тем более с детьми на руках. А дети постарше уже добирались самостоятельно.

Бывало, что наши войска, не удержав оборону, отступали, а население не успевало укрыться в лесу. Тогда немцы, захватив село, стреляли по убегающим женщинам и детям. Были среди нас раненые и убитые. Те, кому удавалось добежать до леса, нередко сами были ранены, в том числе и дети. А на снегу по всему полю лежали тела убитых, и опять-таки взрослых и детей. Когда нашим удавалось снова освободить село, нам давали знать, и мы из леса, голодные, замёрзшие и оборванные, еле-еле передвигаясь, возвращались назад.

А там везде следы недавнего сражения: мёртвые тела, разрозненные части человеческих тел, всюду кровь.

Фашисты многие избы превратили в нежилые помещения. Нам приходилось убирать оттуда сено, всякую грязь, человеческие

трупы, заколачивая оконные проёмы, так как рамы и двери были выломаны, выбиты.

Надо было как-то жить, а для этого надо иметь хоть немного тепла и пищи.

С благодарностью вспоминаю, как наши солдаты подкармливали нас — малышню, да и взрослых тоже. И мы снова оживали.

Видимо, потеряв всякую надежду взять или уничтожить Ленинград, фашисты начали зверствовать. Домашний скот у жителей нашего села, как и многих других деревень, немцы отобрали и угнали. Теперь приступили к сжиганию домов. Делали это частями. Сначала поджигали один край села, затем — другой, потом — третий и т. д.

В соседних деревнях заживо сжигали дома вместе с людьми. Сгоняли в какой-то дом женщин, детей, стариков, заколачивали двери, окна, обливали горючим и поджигали. Так зверствовали фашисты.

В нашем селе все жители, боясь быть заживо сожжёнными, из своих домов убегали в леса, поближе к реке. Там рыли окопы, и в них прятались.

Постоянное пребывание под прицелом врага, необходимость часто и подолгу прятаться в лесу оставляли людей без одежды и обуви, без продуктов. Согревал и кормил лес. Ждали, наделись, молились Богу о скорейшем избавлении от врага, захватившего и нашу малую родину.

Доходили известия о боях под Ленинградом, Лугой, Новгородом, Псковом. Даже мы, маленькие ребятишки-дошкольники, знали названия этих городов и уже понимали, что, если будут освобождены Новгород, Луга, то несдобровать фашистам и под Ленинградом. Каждая семья имела в Ленинграде родственников, многие близких.

Постоянное беспокойство за них ещё больше усугубляло собственное положение. Фашистам не удавалось захватить Ленин-

град, и именно этим население объясняло их зверства. Все с нетерпением ждали прорыва блокады Ленинграда.

И этот момент наступил. С территории наших сёл прогнали фашистов. На этот раз окончательно.

В освобождённых деревнях началось обустройство жизни женскими и детскими руками. 90% домов были сожжены фашистами. В первую очередь каждой семье надо было обустроить хоть какое-то жильё. Появились на пепелищах первые жилища. Это были неказистые, очень небольшие избушки.

Надо было распахивать запущенные поля и огороды. Лошадей не было. Женщины и дети впрягались в плуг, пахали огороды, чтобы хоть что-то посадить и посеять. В этой работе самое активное участие принимали подростки, даже маленькие дети. Нередко за плугом ходил подросток 12-13 лет, а тянули плуг женщины. Отрезанный плугом пласт не всегда переворачивался дёрном вниз, поэтому дети помладше шли за плугом и укладывали упавший в борозду пласт на край борозды дёрном вниз.

Женщины бороили пашню, а малыши собирали и уносили с пашни камни, сучья. В общем, работы хватало всем.

На первых порах после ухода немцев государство оказало населению помощь зерном на семена и питание. Но зерно надо было превратить в муку. Водяные мельницы в соседних деревнях ещё не были восстановлены. Перемолоть зерно было негде. Деревенские деды устроили каменные жернова для помола зерна на муку. Жернова устанавливались на крепком устройстве примерно метровой высоты. Мы, малыши, не могли с пола крутить жёрнов. Поэтому мы вдвоём забирались на этот стол и за палку, которая была прикреплена к жёрнову, вращали его. А кто-то третий сыпал зерно в отверстие в центре жёрнова и собирал в посуду сыпавшуюся с боков муку.

Маленьким детям крутить жёрнов было очень тяжело, но больше было некому, так как у матерей были ещё более тяжёлые работы. Особенно, когда семьи начали обзаводиться домашним скотом. Поначалу это были козы, овцы. На зиму для них надо было за-

готавливать сено. Многие мальчишки уже с 10 лет умели косить ручной косой, умели править косу и даже точить.

Лошадей не было. Дрова тоже надо было зимой привезти из леса на санках. А сначала их там же в лесу надо было заготовить. Чтобы я мог подойти к берёзе, мама протаптывала снег. С одной стороны подрубала ствол, и мы начинали пилить с корня двуручной пилой. Конечно, у меня, 6-7-летнего, сил было мало, чтобы тянуть пилу. Но её нужно было держать и правильно направлять. Если бы с моей стороны пила вибрировала, то и маме было бы её не протащить. Тогда пилить было бы невозможно.

Вот так мы и постигали суть деревенского труда с малых лет.

Пришла весть о Победе. У всех радость и слёзы, потому что многие семьи уже имели на руках похоронки. Нам ждать с войны было некого.

Помню, праздновали победу на улице у наших соседей. Поставили несколько сколоченных столов. А на столы поставили, кто что принёс. И мы, ребятишки, вдруг увидели, что на столе лежит нарезанное маленькими ломтиками жёлтое сало. Это было так удивительно! Ведь скота на дворах ещё не было. Откуда же оно взялось? Оказывается, оно, закопанное в ящике в какой-то посуде ещё в начале войны, ждало своего часа. Во время фашистской оккупации голодали, но сало сохранили. Наши матери верили в победу и знали, что такой час наступит. И тогда будет чем встретить этот Великий день.

День Победы наступил, война окончилась, жизнь продолжалась, но у многих подростков — без отцов. Мы рано повзрослели, рано научились работать. И при этом мы учились. Много учились. В семьях всегда помогали друг другу. Это спасало от многих бед. Но без отца жить было очень трудно. Мы с завистью смотрели на те семьи, в которых были отцы. Там во всём чувствовались уверенность и надёжность, и, как нам казалось, какое-то превосходство над нами, над нашей безотцовщиной. Нам надеяться было не на кого. Были мы и наша мама. Мы были очень дружными, целеустремлёнными, трудолюбивыми и рассчитывали только на себя. Это помогало выжить. И мы выжили.

Алексей Козлов

Алексей Козлов
0412 зу

Наш народ заслуженно
получил почётное
звание «Народ-
победитель».

Полит солдатской кровью День Победы

Мой прадед, Василий Алексеевич Окунев, родился в 1987 году в посёлке Хвойная Новгородской области.

Когда началась война, он работал начальником электросилового хозяйства в родном посёлке. В связи с занимаемой должностью имел броню, и на фронт его долго не отпускали. Но всё-таки он своего добился и вместе с друзьями ушёл добровольцем в Красную Армию. Дома остались жена, Александра Яковлевна, и две дочери, Нина и Вера (моя бабушка).

Бил фашистов мой прадед в составе 305-го стрелкового полка 44-ой стрелковой дивизии, которая в конце октября 1941 года была переброшена транспортной авиацией без транспорта и

Василий Алексеевич Окунев

Василий Алексеевич Окунев

артиллерии на подступы к Тихвину. 9 декабря 305-й стрелковый полк участвовал в освобождении Тихвина, а к концу декабря началось наступление наших войск на Кириши. Мой прадед воевал почти в родных местах.

Но воевал недолго. 23-го апреля 1942-го года семья получила похоронку. В ней сообщалось, что Окунев В. А. был ранен в бою и скончался от ран 14 марта 1942 года, похоронен в деревне Андреево Киришского района Ленинградской области.

Дочерям удалось найти могилу отца лишь в 1965 году, когда младшая из них, Смирнова Нина Васильевна, переехала на жительство в Кириши. В деревне Андреево она опросила всех местных жителей. Удалось выяснить, что одна жительница села в 1942 году похоронила солдата, внешность которого по описанию напоминала внешность моего прадеда (он был высокого роста, на передних зубах золотые коронки).

Могилу прадеда на тот момент была похожа на небольшой холмик, вокруг которого местные жители сажали картошку. Впоследствии его останки эксгумировали и захоронили в братской могиле в деревне Бор Киришского района.

В истории человечества бывают события, память о которых живёт вечно. Со дня Победы над фашистской Германией прошло 66 лет. Немало новых значимых событий отгремело в мире за эти годы. Но нет в ряду такого, которое затмило бы славу и историческое значение Великой Отечественной войны. По её итогам наш народ заслуженно получил почётное звание «Народ-победитель».

Братские могилы, кладбища, захоронения с останками наших воинов обильно рассыпаны по всей нашей земле. И пока ещё есть тысячи незахороненных на Пулковских высотах под Петербургом, на Ладого, в болотах Белоруссии и Новгородчины, война не закончилась. А будет ли ей конец?

Вечная память павшим героям!

**Таисия Александровна
Воронова**

Тогда люди
трудились
самоотверженно,
с песнями.
Низкий
им поклон!

Таисия Александровна Воронова

Это невозможно забыть

*Мы, дети страшных лет России,
Забить не в силах ничего.*

А. Ахматова

Всё, что пришлось пережить во время войны, никогда не уйдёт из памяти, и не заживёт эта боль в сердце.

Я, Воронова Таисия Александровна, родилась 9 октября 1932 года в деревне Большое Городище Уторгошского района Новгородской области. Родилась я в семье, где все трудились в колхозе. Мать и отец — великие труженики, честные, порядочные люди. Своих детей они с раннего детства воспитывали своим собственным отношением к труду, к людям.

Семья была большая, дружная, все помогали друг другу. В семье было четверо детей, престарелый дедушка (мамин отец) и отец

с матерью. Старшая сестра училась в четвертом классе, я — в первом. Обе мы учились хорошо. Отец следил за нашей учёбой, помогал, постоянно занимался с нами физкультурой, очень любил петь.

Папа участвовал в Советско-Финской войне, был санинструктором в санитарном батальоне. С 1939 года работал в лесхозе на станции Уторгош. Осенью 1940 года наша семья переехала в Уторгош.

К началу Великой Отечественной войны мне шёл девятый год. Голод, страх, болезни, смерть близких людей — всё в одночасье обрушилось на нас. Всё пережитое невозможно забыть.

Я до мельчайших подробностей помню тот день, когда на фронт уходил отец. С утра все мы — бабушка, мама, я, две сестры и брат — пришли на отправочный пункт. Это был последний день, когда папа был с нами. Долго ждали, пока шло формирование частей. Мы, дети, устали, и мама с нами вернулась домой.

До войны мы жили на станции Уторгош, рядом с вокзалом. К вечеру папа забежал проститься с нами. Мы все побежали к поезду. Он долго обнимал нас, будто чувствовал, что больше никогда нас не увидит. Проводница уже стала его ругать, а он вскочит на подножку и опять к нам. Зашёл в вагон только тогда, когда поезд тронулся. **Мы бросились вслед за ним, падали, опять бежали... А папа всё махал рукой, пока поезд не скрылся из виду.**

Все громко плакали, хотя ещё не знали, что видим его в последний раз. Бабушка тут же на рельсах упала и никак не могла подняться. Всю свою жизнь я не могу забыть эти горькие минуты прощания с отцом и не могу без слёз смотреть фильмы с такими сценами.

Мне не забыть и страшных дней после войны, когда мы ждали о нём вестей. Приходили известия о других отцах, а нам — всё нет и нет. Почту привозили из Уторгоши на лошади. Мы, дети, бежали встречать почтальона за несколько километров. Пока еще ждали, на что-то надеялись. Но вестей всё не было, и мы плакали каждый день. Затем пришло страшное известие, что отец пропал без вести под Ленинградом. Мы продолжали надеяться... Но ле-

том 1946 года пришло сообщение о его гибели. Помню, был жаркий день. Я так плакала, что меня прямо трясло, как в лихорадке, словно обливали холодной водой, и не было сил успокоиться. На похожие моменты в фильмах я не могу смотреть без слёз.

Утром нас бомбили, были погибшие и раненые. Каждый день шла эвакуация. Людей размещали в вагоны. Тут же начиналась бомбёжка. Люди выскакивали, скрывались в глубоком рву, за штабелями брёвен.

Мы эвакуироваться не успели. Мама собрала кое-какие пожитки и отправилась с детьми в лес — прятаться от немцев. Помню, только отъехали от станции, в небе появились немецкие истребители. Люди плакали, кричали, прятались в кусты, а они строчили и строчили из пулемётов. Жуткая картина: кричат люди, громко в испуге ржут лошади, мечутся и мычат коровы. Я помню маму в это время. Она бегала, собирая детей. Платок с головы свалился на плечи. В голосе — слёзы.

Наконец удалось добраться до леса. Я хорошо помню это место в глухом лесу. Кругом старые, толстые деревья, кустарник. Здесь же мама построила шалаш, и мы в нём укрылись. Уже наступали холодные ночи. Стало много больных, особенно детей.

Здесь же с нами были партизаны. Лагерь охранялся дозорными. 8-го августа нам сообщили, что немцы нас обнаружили и уже направляются сюда. Людей в лагере было очень много: старики, женщины, дети.

Партизаны ушли дальше в лес. Среди них был Пётр Максимов, он уже был ранен. Я ясно помню картину, как он хромой, с костылём поскакал за огромные деревья догонять своих. Партизаны ушли недалеко. У них были вырыты подземные блиндажи, замаскированные так, что немцы не могли их обнаружить.

А мы, взрослые и дети, ждали смерти. Немцы выгнали всех из шалашей и прочитали приказ: всем выходить из леса. Я держала маленькую, красивую корзиночку с любимой куклой

Владислав Крутиков, Таусия Александровна Воронова, Александр Смирнов

и крепко прижимала её к себе. Немцы что-то кричали на непонятном языке, но нас не тронули.

Женщины, с детьми и стариками перебрались сначала на хутора. Но немцам была нужна рабочая сила, и всем приказали вернуться в деревню. Жуткую картину представляла из себя наша деревня. Она находилась на шоссе на Псков. По этой дороге немцы наступали на Ленинград.

Наступила зима. Холод, голод, страх, постоянные налёты немецких самолётов. Война затронула всех, но особенно тяжело и страшно было на оккупированной территории, среди врагов. Мы все опухли от голода, но не смели просить у немцев что-нибудь поесть — боялись. Мы с трудом двигались, но собирали выброшенные картофельные очистки и объедки.

Зимой немцы занимали весь наш дом, нас выгоняли жить на кухню или в чулан. Мы постоянно болели. Чтобы затопить печь и согреться, я бегала в соседний дом за угольками. Как сейчас помню, бежала с угольками скорей, скорей, чтобы они не погасли. В ту тяжёлую зиму мы чудом остались живы.

Взрослых выгоняли на работу — расчищать дороги, ремонтировать их, рубить лес, который немцы вывозили в Германию. Летом взрослые, старики и женщины, работали на заготовке сена, которое тоже вывозилось в Германию. **Подневольных охраняли надзиратели с огромными плетями. Я была ребёнком, но до сих пор помню свист хлыста.**

Били не только за малейшую задержку в работе, но и просто так, чтобы покуражиться. Этого мне никогда не забыть.

Все жители деревне жили в постоянном страхе. В нашей школе всю войну стоял карательный отряд, так как на немцы панически боялись партизан. Сельчане помогали партизанам, чем могли, но при малейшем подозрении на связь с ними — расстрел. До сих пор помню главаря карательного отряда по фамилии Бэкман. Сытый, холёный, он разъезжал на лошади бурой масти с огромным хлыстом, пристёгнутым к ремню. Рядом всегда была собака серой масти по кличке Хара. Бэкман мог ударить этой плетью любого человека просто ради куража. Мог натравить на него собаку, которой ничего не стоило человека разорвать.

Мама и старшая сестра работали в лесу, в поле, на дороге, а меня с младшими детьми оставляли дома. Нас запирали на замок, создавая видимость, что дома никого нет. А мы сидели где-нибудь в укромном месте и тихо играли. Если малыши капризничали или просились на улицу, я пугала их немецкой собакой Харой.

Страшных эпизодов из военного детства помню много. Вот один из них.

Лето, стоит жара. Мама и старшая сестра ушли на заготовку сена. Мне поручили присматривать за младшими. Немцы по какому-то поводу веселились: пили шнапс, играли на губных гармошках. В коридоре была полка, где мама оставила для нас крынки с молоком. Дверь из коридора в дом была открыта. Мы сидели в чулане ни живы, ни мёртвы, боялись, что немцы ещё больше развеселятся и будут над нами издеваться. Я посмотрела в щёлку и вижу, как они уносят молоко. А у нас в это вре-

мя болел младший брат. Мы боялись, что он умрёт. И что меня дёрнуло выйти из чулана и попросить оставить хоть немного молока для него? Забыв о страхе, я вышла в кухню и стала их умолять. Как сейчас вижу перекошенное злобой лицо фашиста. Он встал, схватил меня за платишко на груди и так швырнул, что платье на спине лопнуло, и я чуть не вывалилась из него, а сама перелетела через весь коридор и ударилась головой об входную дверь.

Я громко плакала, заклёбываясь кровью. На крик прибежала очень старенькая соседская бабушка. Она нас всех забрала к себе до прихода мамы. А пока мамы не было, выстригла на голове волосы, приложила к ране какую-то траву. Долго болела голова, а шрам остался на всю жизнь. Эта травма даёт о себе знать до сих пор. Разве такое забывается?

А как нас мучили разные болезни... От холода, голода, страха мы все болели чесоткой, и педикулёзом, а после войны одолевал фурункулёз. Но нам каким-то чудом удалось выжить. Низкий поклон нашей матери, которая не думая о себе, всегда спасала нас, детей.

Помню, стояло жаркое лето. Немецкая воинская часть должна была передислоцироваться на другое место. Фашисты собирались, шумно веселились, громко разговаривали, а мы прятались, чтобы, проходя, нас не застрелили. На моё счастье мама была дома. У одного немца куда-то пропала банка гуталина. Он орал, ругался по-немецки и по-русски и вдруг решил, что его гуталин украла я. Он подскочил и начал меня трясти, требуя вернуть пропажу. Мама закрыла меня собой и начала просить, убеждать его, что мне не нужен гуталин, ведь я хожу босиком. Но немец не унимался. Мама шепнула мне: «Беги, спрячься, пока не уедут эти гады».

Я спряталась на сеновале, но своим детским умом понимала, что немец наудачу может стрелять по сеновалу. Такое уже бывало. Я выбралась через окошко сеновала и задворками побежала к бабушке в другой конец деревни. Там я прожила несколько дней, пока за мной не пришла мама.

Наступила весна 1943 года. Вдруг староста собрал всех жителей деревни, и погнали нас, как скот, к школе, где находился карательный отряд. Туда гнали людей, как на бойню. Мы уже решили, что нас гонят на расстрел. Но, оказалось, что прошёл слух, будто среди населения есть больные брюшным тифом. Немцы страшно испугались и решили сделать всем прививки от тифа. Как же мы удивились, что и на этот раз остались живы. Так во всё время оккупации смерть ходила за нами по пятам.

Немцы панически боялись партизан. Всюду — на маленьких мостах, на переправах — взлетали в воздух немецкие машины. А в лес оккупанты даже нос боялись сунуть — всюду им чудились партизаны.

Каратели казнили всех, кого хоть в чём-то подозревали. Но прежде чем казнить, мучили, били, всячески издевались. Как-то зимой одного нашего то ли солдата, то ли партизана, долго пытали, требуя выдать своих. В лютый мороз босиком гнали по снегу, приказывая попеременно, то «ложись», то «беги». Человек уже обессилел, но фашистам ничего не удалось узнать.

Помню (это было в субботу), в деревню въехал карательный отряд. На дровнях лежал этот партизан. Слабым голосом он просил его добить, но немцы продолжали над ним глумиться. Остановились они у раскидистого дерева, сучья которого нависли над дорогой. Согнали из деревни весь народ: и детей, и стариков. К дереву прибили фанерный щит с надписью: «Смерть партизанам! Так будет с каждым, кто посмеет помогать партизанам».

Из соседнего дома притащили лестницу, через сук перекинули верёвку, завязали петлю. Люди стояли, тихо плакали, прижимаясь друг к другу. Я уткнулась лицом в бабушкино пальто и не могла успокоиться. Ещё живого партизана подняли с саней, подвели к виселице, на шею накинута петлю и толкнули лестницу. Он дёрнулся всем телом и повис.

Стоял страшный февральский мороз. Тело партизана зачехлено, а фашисты веселились и громко угрожали, что так будет с каждым. Тело партизана не снимали несколько дней. Так прямо над дорогой и висел человеческий труп. Немцы потешались, фотографировались рядом. Приезжали из Пскова какие-то начальники и тоже фотографировали труп. Через несколько дней труп сняли и сбросили в общую траншею, где уже лежали трупы сотен казнённых.

Мне и сейчас тяжело вспоминать эти ужасные эпизоды из пережитого в годы войны. Но наш бесстрашный народ не сдавался. Здесь же действовала подпольная комсомольская организация. Всех её членов я, конечно, не знаю, но точно знаю, что среди них была наша учительница Яковлева Татьяна Тимофеевна. Подпольщики поддерживали постоянную связь с партизанами и выполняли их задания.

7-го ноября 1942 года (в годовщину Октябрьской революции) на комендатуре, что находилась в центре деревни, развеялся красный флаг! Это привело немцев в бешенство. Они долго бегали вокруг, но снимать боялись, так как под флагом была надпись: «Заминировано».

Помню такой случай. Зима. Стоят лютые морозы. У нас нет света, нет спичек, чтобы зажечь лампу. Женщины собирались в одной избе и пряли пряжу из льна. Мама домой вернулась поздно, ведь у неё четверо детей, всех хоть как-то надо одеть. Только уснула, и вдруг стук в дверь. Она не услышала стука. Тогда входную дверь сорвали с петель и начали стучать уже в комнату. Она в страхе вскочила. А в доме немцы, орут благим матом: «Матка, партизан, партизан!».

Хорошо, что с ними был староста. Мама объясняла, что только что крепко уснула и не слышала стука в дверь. Ей приказали срочно запрягать лошадь. Она накинула на плечи какую-то одежку и вышла в мороз запрягать лошадь. Окоченевшими руками еле управилась. Её трясло от страха. Она ждала выстрела в спину или приказа сопровождать немцев на лошади.

Мы все проснулись и громко плакали, боялись, что угонят нашу маму. Но всё обошлось, мама вернулась. В то время каждый немец, заходя в дом, насторожённо осматривался: «Партизан, партизан!».

Летом всё население деревни было предупреждено, что немцы будут отступать зимой по этой дороге. Людям опять нужно прятаться в лесу. Один край деревни должен идти в одну сторону, другой — в другую. Но ведь будет зима, в шалашах не спасёшься. Взрослые начали скрытно уходить в лес с пилами, топорами, лопатами, строить в лесу землянки. Землянки располагали в разных местах.

Мама со своей сестрой тоже построили землянку и, как только встала река, на лошади увезли нас в лес. В землянку глубоко вниз мы спускались по ступенькам. Сверху было положено несколько деревянных венцов, было даже маленькое окошечко. Внутри стояли маленькая жестяная печечка и двухэтажные нары. Сверху спали дети постарше, а ниже — младшие.

Землянка была хорошо замаскирована. Протопим эту печечку и задыхаемся от сырости. В двери были щели. И вот однажды все взрослые уехали в деревню (немцев там уже не было). Остались мы, самые маленькие, в землянке. Вдруг слышу возле соседней землянки какой-то шум. Мы подумали, что нас нашли немцы и страшно испугались. Я посмотрела в дверную щель и увидела, что около мужчин в маскировочных халатах веселятся и хохочут дети.

Тут и мы осмелели, выскочили из землянки и бросились к ним. Это были наши разведчики. Они обнаружили наш лагерь и хотели предупредить, что немцы скоро будут отступать. В эти тяжёлые дни нам надо было из лагеря уходить на болото.

Уходили взрослые след в след. Детей несли на руках, а последний заметал следы. Так мы сидели на болоте несколько дней. Хорошо, что немцев здесь уже гнали очень быстро. Да и русские морозы их изрядно донимали.

Как в таких условиях нашим матерям удавалось спасать своих детей? Рядом с нашими землянками они смогли вырыть укрытия для скота. Какого труда это стоило нашим матерям! С нами постоянно были голод, холод, болезни. Даже представить трудно, как мы всё это пережили.

Нашу местность освободили в марте 1944 года. Пока не тронулся лёд на реке, нас из леса вывезли в деревню. А там вместо дома мы увидели пепелище. Мама со старшей сестрой для проживания приспособили баню. Сложили маленькую русскую печку. В этой бане мы прожили до 1946 года. Весной баню подтопляло. Пол всплывал, и мы ходили по холодной воде.

Как только деревня была освобождена от немцев, стали восстанавливать колхоз. Работали все: старики, женщины, дети. Все работы выполнялись вручную. Женщины впрягались в плуги и поднимали землю. Бороновали поднятую почву, впрягая коров. Ведь лошадей тогда было совсем мало. Мама впрягала нашу корову в борону, и я управляла ею. Бедная коровушка упиралась, не понимая, зачем её впрягли. Они доходила до межи и начинала есть траву, а я погоняла её и плакала, что не управляюсь с работой. По пашне шла за бороной босыми ногами, до крови обдирая их о комья земли. Работу нужно было обязательно выполнить. До изнеможения уставали и корова, и я, маленькая, голодная девочка.

Мы, дети, работали вместе со взрослыми. Я работала в овощной бригаде со старушками. Мы выполняли все работы. Совсем маленькими детьми мы на коромыслах носили воду, поливали овощи.

Спускаешься за водой вниз к ручью, а подняться наверх — нету сил. Ступеньки обливались водой, босые ноги скользили. Сколько раз я падала, вставала и снова шла работать. Тогда обрабатывали каждый клочок земли. Постоянный голод и непосильный труд изматывали до предела, приводили к непрекращающимся болезням.

В колхозе работали за пустые трудодни и голодали, голодали... Уже учась в 6-ом классе, я думала, что, если бы я съела кусочек

настоящего хлеба, то очень долго не хотела бы есть. Мы собирали на полях колоски, гнилую картошку, ели лебеду, крапиву, а уж отруби были настоящим лакомством. Но все трудились не покладая рук.

Я прошла через все крестьянские работы: от перекопки почвы до обмолота зерновых цепом.

Зимой учились в школе, которая находилась в двух километрах от дома. В школу приходилось не ходить, а бежать, чтобы не окоченеть от холода. Зимой в рваных галошах было невозможно согреться. Прибежишь в школу, а у технички уже протоплена печь, и угли ещё горячие. Сунешь туда ноги — начинается в ногах ломота. Обратно опять бегом до первого дома. Погреешься и дальше бежишь.

Учебник был один на всех. Приходилось переписывать текст или учить коллективно. У нас не было бумаги, чернил, ручек, карандашей. Писали на газетах, чернила делали из сажи или свёклы. И как ужасно: страницу перевернёшь, и текст смазан. Какая была радость, когда появились химические карандаши! Тут уж мы делали настоящие чернила.

Ручек тоже не было. Хорошо помню, как дали в школе первое перышко № 86, а ручки-то нет. Я приматывала его к пруту от веника, а когда заканчивала писать, то каждый раз обматывала его тряпочкой, чтобы не поломать.

В начальной школе учительница вела сразу по два класса: 1-й и 3-й, 2-й и 4-й. Первый класс я окончила до войны, в 1941 году. Когда после освобождения открылась школа, меня определили во 2-й класс, хотя я даже букв не знала. Я долго путала заглавные буквы У и Ч. Да и всё остальное давалось с большим трудом.

Но было огромное желание учиться, трудолюбие, упорство, и я всё сумела преодолеть. После 7-го класса я поступила в педагогический техникум. Там я жила и училась только на стипендию: на 1-м курсе — 14 руб., на 2-м — 16 руб., на 3-м — 18 руб., на 4-м — 20 руб. Мать мне помогать не могла, ведь трудилась

в колхозе, да ещё двое школьников. Но трудолюбие и упорство помогали мне справляться с трудностями.

А как трудились наши матери! Много лет мама работала на ферме. Всё делали вручную. Воду для пойки грели на улице. Пока разносили её по ферме и поили коров, сами были мокрыми. На морозе одежда обмерзала, лапти на ногах превращались в колодки. **Так и сохранился в моей памяти образ матери в обледенелых одежде и обуви.** Она заходила в избу и не могла сделать ни шага.

Летом в 5 часов утра выгоняли на пастбище стадо, вручную доили коров и шли на работу в поле.

Тогда люди трудились самоотверженно, с песнями. Низкий им поклон!

Педагогический техникум я окончила в 1954 году, получила диплом с отличием. 1954-й год — это год освоения целины. Многие однокурсники поехали на целину, а мне не разрешили врачи. Столько лет голодной жизни не пройти бесследно. Но мы были патриотами своей Родины и ехали туда, где трудно.

Я получила направление в детский дом Ленинградской области. Можно сказать, в глухие места. Там я проработала 6 лет, а потом с мужем и трёхлетней дочерью мы уехали в Карелию на строительство железной дороги. Мой муж был электромехаником, а я работала в школе.

Работа мне всегда нравилась, и я с увлечением проработала 42 года. Старалась, чтобы дети хорошо усваивали материал. Учила их дружбе, трудолюбию, доброте, любви к родному краю.

Я, как труженик тыла, имею награды: медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», являюсь ветераном педагогического труда.

Но я и сейчас веду активную жизнь. Являюсь членом общественной организации «Дети войны», провожу беседы с учениками начальных классов школы № 23. В этой школе я проработала более 20 лет.

**Анатолий Алексеевич
Черезов**

Из нашей семьи
на фронт ушли отец
и старший брат.

Анатолий Алексеевич Черезов

Хорошо запомнился день Победы

Мои детские и юношеские годы прошли в Кировской области. Наш небольшой городок Белая Холуница — это таёжный край, бесконечная тайга сосновых и смешанных лесов. В начале войны я был девятилетним мальчишкой.

22-е июня 1941 года врезалось в память заводскими гудками, толпами людей на призывном пункте, отправкой новобранцев в Красную Армию, плачем женщин.

Из нашей семьи на фронт ушли отец и старший брат Иван. Дома остались четыре брата, сестра и мать. Старшему из оставшихся детей, Валентину, было 14 лет. Брат Иван погиб в 1942 году

на территории Демянского района около деревни Тарасово. Несмотря на все мои усилия, место захоронения брата найти не удалось. Отец вернулся с фронта в 1945 году.

Тяжело нам приходилось в войну. На нас с Валентином была возложена задача — обеспечивать дом дровами. Зимы у нас холодные, морозы доходили до 45 градусов. Летом дрова из леса мы доставляли на себе, а зимой возили на санях. Дрова заготавливали круглый год: зимой и летом.

В войну дети работали наравне со взрослыми. Недалеко от нашего дома были поля и скотные дворы подсобного хозяйства машиностроительного завода. Мы там пасли коров, лошадей, копали картошку, и за это получали продукты. На карточки нам давали в сутки по 300 граммов хлеба на человека.

На своём приусадебном участке (а это 25 соток) мы активно заготавливали овощи. Выжили мы также и благодаря строгости нашей мамы Татьяны Николаевны, которая очень экономно вела хозяйство и не позволяла нам бездельничать.

В свободное время ходили в лес, ловили рыбу, пекли на костре картошку, играли в войну.

Хорошо запомнился день Победы 9 мая 1945 года.

В 6 часов утра нас разбудила мама и сказала, что объявили по радио: закончилась война.

Нашей общей радости не было предела. Мы с друзьями в этот день не пошли в школу, и нас никто не ругал. Наступил конец великому испытанию. Враг сложил оружие. Мир на земле! Как все ждали конца войны! И никто за все эти четыре года ни разу не помыслил о мире без победы!

Война закончилась, но страна была в руинах...

Очень тяжёлым был 1946 год. Был неурожай. Мы голодали. Ели лебеду, крапиву, весной ходили по картофельным полям, собирали прошлогоднюю картошку, и мама пекла нам лепёшки.

В 1947 году отменили карточную систему, и жизнь понемногу начала налаживаться. Но всё равно работать приходилось очень много. С началом 1947-1948 учебного года нас, 15-летних ребят, на весь сентябрь послали в колхоз, где мы убрали лён, молотили зерно, копали картошку. Жили в частных домах. Нас бесплатно кормили, за хорошую работу давали домой несколько килограммов муки.

В 1947 году я окончил семилетку. Пошёл работать на завод слесарем-настройщиком в компрессорный цех. Весь день ходили в промасленной одежде, переодевались только дома; работали в три смены. Одновременно я учился в вечерней школе. Никаких скидок и льгот на производстве из-за учёбы не было. Работали, как все.

В 1952 году, после окончания средней школы, военкомат направил меня на учёбу в Ленинградское общевойсковое командное училище им. С. М. Кирова.

После училища с 1954 года проходил службу в войсках в должности командира мотострелкового взвода, потом роты. Служба в войсках была суровой, трудной и вместе с тем очень интересной.

В 1961 году в связи с большим сокращением армии меня направили служить в военкомат Новгородской области. Прослужил в Вооружённых Силах 36 лет, закончил службу в воинском звании полковника.

В 1988 году ректор НПИ В. В. Сорока пригласил меня на работу в НПИ, затем, после воссоединения новгородских вузов, — в НовГУ на должность начальника штаба ГО. Здесь я работаю и в настоящее время.

Одновременно на протяжении 20 лет выполняю на общественных началах обязанности председателя первичной ветеранской организации НовГУ, которая является одной из ведущих ветеранских организаций Великого Новгорода.

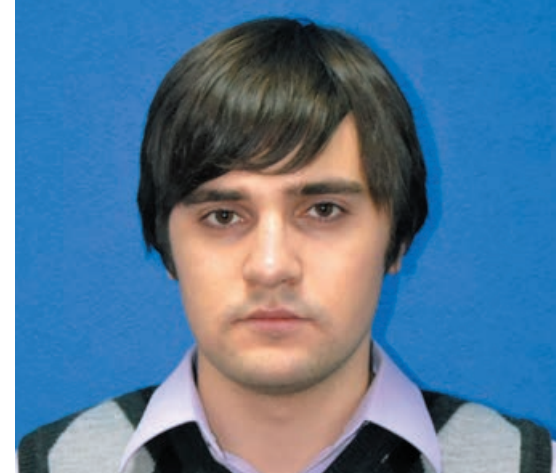
С 2004 года избираюсь председателем Новгородской областной Комитета ветеранов войны и военной службы. В состав

Анатолий Алексеевич Черезов и Иван Осипович Аксёнов

организации входит около 3500 фронтовиков и 4500 ветеранов военной службы — пенсионеров Министерства обороны РФ. Ветераны войны и военной службы активно участвуют в военно-патриотической работе среди молодёжи области, в том числе в НовГУ. Комитет оказывает большую поддержку ветеранам в вопросах решения жилищных проблем, улучшения их медицинского обеспечения и др.

Артём Гаврилов
р. 7072

Арте́м Гаври́лов

Когда началась война, моему дедушке было 8 лет.

Земли родной минувшая судьба

Когда началась Великая Отечественная война, моему дедушке Александру Фёдоровичу Астафьеву было 8 лет. Жил он в деревне Маковье (ныне Быково) на Псковщине.

Вот как он вспоминает своё безрадостное военное детство.

*«Помню, как в клубе собрали народ и объявили о начале войны, как провожали на войну родных и близких... **Мы шли провожать дядю Назара и дядю Михаила. Мама дала им с собой молитву Ангела-хранителя. И они остались живы...***

Немцы приближались, и колхоз начал готовить к эвакуации общественный скот. Табун погнали на восток. Но немцы уже начали бомбить дороги, и скот пришлось вернуть назад.

Первая волна мобилизованных мужчин уже 28 июня влилась в Красную Армию.

Примерно 20-21 июля немцы появились в нашей деревне. Было тёплое солнечное утро. Мама затопила печку. Вдруг мы заметили большую пыль на песчаной дороге, что шла от деревни Печково к деревне Быково. А через несколько минут появились первые немцы. Они ехали на велосипедах. Изредка в колоннах велосипедистов попадались грузовые автомобили, украшенные красными полотнищами со свастикой, и мотоциклы.

В здании бывшей церкви немцы устроили наблюдательный пункт. В крыше прорубили окно и в бинокли вели наблюдение за западным берегом озера. Мы ещё не знали тогда, что по кустарникам с той стороны озера пробивалась, видимо, в сторону посёлка Куньи наша войсковая часть с обозом. Немцы перекрыли ей путь к деревне Турное, гнали наших к озеру. В деревне Турное состоялся бой. Когда высоко над деревней начали с грохотом пролетать снаряды, среди сельчан началась паника.

Александр Фёдорович Астафьев

Наши пытались прорваться. Немцы били из пушек, корректируя огонь с церковной крыши. Тогда наши пошли врукопашную. Жители деревни находились в самой гуще боя, прятались в заранее вырытых окопах. Слышались крики бойцов.

Часть наших солдат вырвалась из окружения и вышла в заболоченные леса. Потом через деревню повели пленных красноармейцев. Среди них был раненный советский командир с двумя шпалами в петлицах, его везли на повозке. Я вместе с другими, с расстояния двух метров, наблюдал колонну пленных, конвоируемую немцами. Некоторые пленные были ранены в руки. Солдаты были молодые, необстрелянные, и нам, мальчишкам, их было очень жалко.

Когда бой в деревне Турное затих, люди вышли из укрытий и увидели страшную картину: везде лежали трупы наших и немецких солдат. По очень неточной оценке наших было убито около 300 человек, немцев — вдвое меньше. Немцы для захоронения своих убитых выбрали пахотное

поле. Каждого убитого хоронили в отдельной могиле, над которой ставили деревянный крест. Потом приказали населению убрать и похоронить трупы красноармейцев. После боя прошло несколько дней. Была жаркая погода, и трупы разлагались. Их тянули за руки и за ноги в общую яму. **Братская могила советских солдат ныне отмечена безымянным памятником. Никто медальонов или других документов у убитых не брал. Они, наверное, до сих пор числятся, как без вести пропавшие.**

Многие подростки из ближних деревень ходили за озеро. Побывал там и мой старший брат Василий. Везде были следы боевых действий. Бродили армейские лошади. Валялись шинели, сапоги, ботинки, винтовки, патроны. Убитых солдат хоронили там же, где они лежали.

Весь западный прибрежный кустарник до сих пор хранит безымянных погибших бойцов Красной Армии. Пали они в самом начале войны, в конце июля 1941 года.

Вскоре, несмотря на ошеломляющий успех, у немцев произошла стратегическая заминка, вызванная яростным сопротивлением наших войск на великолукском и смоленском направлениях. Бои за Великие Луки вынудили немецкие войска перейти от движения вперёд к сосредоточению и накоплению сил. Группе армий «Центр» верховным командованием 30 июля был дан приказ приостановить наступление на Москву и перейти к обороне с целью сосредоточения главных усилий на Северо-Западном и Южном фронтах.

Немцы эвакуировали всё население из деревень, расположенных между озером Ордосно и рекой Усвяча. Несколько дней подряд шли немецкие войска на велосипедах, автомобилях; шли обозы, везли понтоны для прокладки мостов; иногда проходили танки и танкетки.

22 августа немцы нанесли сильнейший удар в стыке наших армий. Наши отступили. 23 августа танки противника прорвались в район посёлка Кунья. Немцы хотели отрезать

основные силы 22-ой армии от путей отступления на восток, окружить Великие Луки и уничтожить наши войска.

После прорыва фронта немцы разрешили эвакуированному населению вернуться в свои деревни, окрестности которых уже были заняты немцами. Были они и в деревнях, но домов не занимали. Когда я вернулся домой, то увидел, что срублена берёза у нашего дома. Её использовали для маскировки грузовой немецкой машины. Я очень переживал...

Деревенским колодцем немцы пользовались, как лужей. На поверхности воды плавали картофельные очистки и другой мусор.

В наших местах немцы вели себя сравнительно спокойно. В начале сентября они стали наши деревни покидать. Из кустарников и зарослей начали выходить группы советские солдаты. Стремительное наступление немцев в первые месяцы войны привело к тому, что некоторые наши войсковые части попали в окружение. Одни бойцы погибли, другие попали в плен, а некоторые смогли укрыться в лесах и начали потихоньку из немецкого тыла продвигаться к фронту. Отдельные группы попавших в окружение солдат были организованы в партизанские отряды. Однако боевых действий в наших деревнях они не вели. Поэтому наше население не испытало карательных мер со стороны немцев, за исключением поджога некоторых домов в деревне Турное после шольского боя.

Моя бабушка в русской печке тайно пекла хлеб для одной из подпольных групп. Назначенный немцами полицай Пётр часто заходил в чужие дома, высматривал, вынюхивал. Заметил он, что бабушка слишком часто и помногу печёт хлеб. «Сказывай, кому хлеб. Партизанам?», — требовал ответа. Угрожал оружием, но бабушка не выдала.

В деревне Быково старостой был Алексей Козлов. Он был известен тем, что выдал немцам группу наших солдат. Говорили, что таких старост наши вешали или расстрели-

вали. Но были среди старост и полицаяв и хорошие люди, которые помогали бедствующим в немецком тылу нашим солдатам.

К середине сентября немецкие войска полностью покинули нашу местность. По кустарникам валялся разный мусор, иногда встречались ценные вещи. Мы, мальчишки, нашли фотоаппарат, полевой бинокль. В местах боёв нашли порох разных сортов и назначений: патронный, артиллерийский, ракетный. Всё это было предметом забав детства. Мастерили самодельное оружие, стреляли по стенам сараев, соревновались в дальности и меткости стрельбы. Не обходилось без травм, правда, незначительных.

Издredка по дорогам проходили немецкие машины. Власть же в деревне осуществлялась через старост и полицаяв. В общем, у нас установилась тихая и мирная жизнь. В это время под Москвой шли кровопролитные бои, а в блокадном Ленинграде умирали от голода сотни тысяч ни в чём не повинных людей. Но тогда нам в деревенской глуши, где не проходили основные боевые силы наших и немцев, не были известны беды других советских людей.

Кунья была освобождена 22 января 1942 года. Примерно тогда же приехали к нам на конных санях красноармейцы. Ни одного отступающего немецкого солдата при этом мы не видели. Они в панике бежали по основным дорогам под ударами частей 3-ей Ударной армии, действующей в направлении: Кунья — Великие Луки, и 4-ой Ударной армии, наносившей удары в направлении Жижица — Торопа — Велиж.

Летом 1942 года, как известно, основные военные действия были на юге СССР — на Украине. Немцы рвались к Сталинграду. На центральном и северном направлениях наступило затишье.

1 сентября 1942 года в возрасте девяти с половиной лет я пошёл в первый класс Маковской начальной школы. Один год из-за оккупации я потерял.

Советская власть, несмотря на тяжелейшее положение, находила средства для обучения детей грамоте. Нам выдали новые буквари, тетради, карандаши, ручки и перья к ним. Конечно, учебников для всех не хватало. Приходилось объединяться с одноклассниками. Учебники брали домой по очереди.

Людей в деревнях было много. Основная мужская рабочая сила была на войне. Но русские женщины умели делать всё — и за себя, и за мужиков. Активно помогали подростки.

Не хватало лошадей: их забирали в армию. Землю пахали на коровах или просто копали лопатами.

Одевались в ту пору очень скудно. На ногах носили лапти из лыка липы или ивняка. Некоторые делали обувь из покрышек мелкого автотранспорта — легковых машин, мотоциклов. Чуть весной стает снег — мы уже босиком. Так осенью и весной и в школу ходили. И за партами сидели босиком.

Жизнь становилась всё более голодной. Колхозы работали исключительно для фронта. Урожайность и колхозных, и своих полей падала. С личных дворов власть требовала в виде налогов всё, что производилось. Даже коровий навоз надо было сдавать в колхоз. Земля скудела.

Весной люди перекапывали свои огороды, собирали мороженую картошку, из неё пекли нечто вроде котлет. Собирали листья липы, лебеды, другой зелени. Рубили, и из этой массы выпекали с добавлением горстки муки зелёные оладьи.

В те годы было много нищих. Ходили убогие, инвалиды от рождения, с психическими расстройствами, старухи, дети. И к нам заходили. Некоторые — издалека, просились переночевать. Давали ночлег на полу, на печке. Нищие, как правило, были завшивевшими, что способствовало распространению разных болезней — кожных чесоток, тифа.

Многие в деревнях переболели этими болезнями. У нас в семье переболели все. Особенно досталось мне. Моё тело,

лицо, даже уши сплошь покрывали коросты. Ночами состояние ухудшали клопы, кое-где полностью забившие все щели на стенках, потолке и в печке. От вшей спасались мытьём и паркой в хорошо натопленной русской печи. В общественной бане было много людей, не хватало горячей воды.

Да, жизнь была очень тяжёлой. Порой жалость одолевает до слёз, когда я вспоминаю своё детство. Примерно так же жили все мои ровесники не только в наших краях, но и во всей крестьянской России.

Когда я заканчивал третий класс, 9 мая кто-то в школу принёс весть: «Конец войне!». Все закричали: «Ура!». Прекратились уроки. Над крыльцом школы водрузили красное полотнище. Даже у нас, детей, было такое ощущение, как будто огромная, тяжёлая ноша свалилась с плеч. Война длилась, казалось, бесконечно долго. Да что и говорить — половину нашей детской жизни! И вот конец. Тогда даже взрослые, а тем более мы, ещё не знали и не осознавали всех последствий войны. А они, кроме, конечно, победы, были ужасны. И самый трагический результат — это безвозвратные людские потери. В каждой деревне — огромное количество погибших. Все без исключения вернувшиеся с фронта были ранены, большинство — калеки без рук или ног.

Согласно опубликованным данным, 60% всех человеческих потерь в наших местах составили без вести пропавшие. Вот она наша российская расхлябанность! Конечно, кто-то попал в плен и безвестно сгинул в фашистском аду, кто-то бесследно сгорел, утонул. Но ведь многих хоронили, не взяв даже документов погибших, не зафиксировав акт смерти товарища, нашего солдата.

Часто наши дети равнодушны к памяти прошлого. Но сами ли они в этом виноваты? Ответственность за это должно нести старшее поколение.

В 1998 году приезжали женщины из Германии, искали могилы немецких солдат, погибших в бою в июле 1941 года за озером Ордосно. Плакали немецкие женщины, придя

на поле погребения. А наши солдаты лежат безвестные в братской могиле близ деревни Турное да по зарослям побережья, и никто из родных не может их посетить.

После войны люди на сенокосах находили человеческие кости в разных местах. На братской могиле не указана даже, какая воинская часть вела бой в окружении противника».

В 1957 году Александр Фёдорович Астафьев окончил Ленинградский горный институт, защитил диплом по специальности «Металлургия цветных и благородных металлов» и приступил к работе в Государственном научно-исследовательском и проектно-институте «Гипроникель». В 1972 году защитил кандидатскую диссертацию с присвоением учёной степени кандидата технических наук. Он автор 130 научных трудов, 20 авторских свидетельств. В 1990 году, выйдя на пенсию, он с женой Александрой Флегонтовной поселился в своей родной деревне.

Александр Фёдорович сразу отказался от традиционной формы деревенской жизни — захолустной и примитивной. Астафьев принадлежит к творческому типу людей. А они менее всего замкнуты на себе. Большую часть жизни он прожил в городе, но постоянно поддерживал тесные связи с родной деревней, где и предполагает закончить свой жизненный путь.

В деревне он живо вбирает проблемы окружающего мира. Его доброжелательное отношение к жизни неистребимо и заразительно. В его пронзительной любви к окружающему миру — неравнодушие и боль. Боль за свою малую родину, да и за всю Россию.

«Мир прекрасен! Всё гармонично, красиво и мудро устроено. Всевышний создатель есть! Как прекрасна жизнь! Люди! Я люблю вас! Да, ощущение прилива счастья, лёгкости, полёта, любви ко всему живому бывает. И оно возникает не только от моментальной удачи, но и от красоты окружающей природы нашего прекрасного, но забытого, заброшенного края. До боли сжимается сердце, когда видишь убогость жизни, культуры и смерть русских деревень без видимых просветов в будущем».

Роман Орлов
гр. 9061

У детей военного времени не было детства. Стать взрослыми им пришлось очень рано.

Роман Орлов

На всю оставшуюся жизнь

Когда началась Великая Отечественная война, Евгению Ефимовичу Журавлёву было всего 13 лет. В небольшом посёлке Дедовичи Псковской области в тот день 22 июня 1941 года, стояла отличная погода. Ветеран вспоминает:

«Было жарко, и мы с друзьями с утра пошли купаться на речку, она называлась Шалун. Примерно в 12 часов дня мы вернулись домой, и родители нам сказали: «Началась война!». Тогда мы, подростки, ещё не осознавали в полной мере значения того, что произошло. Но война очень скоро круто изменила нашу жизнь».

Недалеко от посёлка был аэродром. Оттуда с первых дней войны начали подниматься в воздух и улетать наши самолёты. После тяжёлых воздушных боёв возвращались не все.

5 июля началась эвакуация населения, людей увозили в более безопасные районы. У Журавлёвых была большая семья: отец, мать и пятеро детей. Из животных были две лошади и корова. Дом и хозяйство пришлось бросить. Запрягли лошадей и отправились в Демянский район Новгородской области, дальше от войны. Там на время остановились.

Но война шла по пятам. Каждый день переживали, как вечность: постоянные бомбёжки и воздушные бои. Многие уже в первые дни войны потеряли родных и близких. На всю оставшуюся жизнь детская память сохранила печаль и страх в глазах людей, горечь утрат.

В конце июля семья перебралась в Мошенской район. Отец там и остался, ушёл в партизаны. А остальные отправились дальше. В Пестово сели на товарный поезд и целых 18 суток ехали на север, в Кировскую область.

В Опаринском районе был колхоз «Мирный труд». Там Журавлёвы и остались. Работали не покладая рук: и в поле, и в огородах. Копали, сажали, сеяли, косили сено, убирали урожай. Дрова возили на санках, на быках. Время тянулось медленно. Люди не высыпались, уставали, голодали. Дети осознавали войну по-своему. Они не воевали. Для них война — это, прежде всего, голод, который преследовал даже во сне. Еда в то время состояла поначалу из двух блюд: бедняцкого супа и каши. Бойцам выдавали по 600 граммов хлеба, а всем остальным — по 125. Дальше стало ещё хуже. Чтобы как-то выжить, приходилось выменивать на картошку оставшиеся вещи. С ранней весны переходили на подножный корм: лебеду, крапиву, капустные и свекольные листья, ягоды. Но как бы трудно ни было, семья Журавлёвых выжила, вынесла всю тяжесть военного лихолетья.

В 1943 году Евгения Ефимовича направили в военный всеобуч, и там, в течение 3 месяцев, он обучался военному делу.

В 1944 году семья вернулась из эвакуации в посёлок Волот Новгородской области. А уже в ноябре Евгений Журавлёв был призван в ряды Советской Армии, попал в пехоту Ленинградского

фронта. Участвовал в освобождении Ленинграда, других городов и сёл, захваченных немцами.

После войны, в мае 1945 года был направлен в танковый полк на обучение, а уже в октябре вышел оттуда стрелком-радистом знаменитого танка Т-34.

В 1947 году командование направило Журавлёва на курсы оружейных мастеров, которые он успешно окончил. Потом служил в танковых войсках мастером до апреля 1951 года. Получил звание сержанта. После демобилизации многие годы Евгений Журавлёв жил и работал в посёлке Волот, который считал лучшим местом на земле.

У детей военного времени не было детства. Стать взрослыми им пришлось очень рано. Этим детям приходилось работать наравне со взрослыми, заменить ушедших на войну отцов. **Евгений Журавлёв в неполных 17 лет узнал цену фронтового дня, когда жизнь может закончиться в любой момент, так по-настоящему и не начавшись.**

К сожалению, этого замечательного человека уже нет с нами.

Евгений Ефимович Журавлёв

Олег Зеленский

Олег Зеленский
гр. 0062 зу

Днём и ночью
он слышит гул
самолётов.

Мгновения его жизни

Бывший штурман Великой Отечественной войны новгородец Исаак Евелевич Либо провёл в небе большую часть своей жизни.

Когда 49-летний подполковник авиации в 70-е годы по состоянию здоровья расставался с армией, в личное дело ему записали стаж — 54 года. К 31-му календарному году прибавили 23 льготных. Так делают, когда год напряжённой работы идёт за два. За это время Исаак Евелевич успел принять участие в двух войнах.

Ветеран вспоминает:

«Я родился 30 декабря 1925 года в городе Минске в Белоруссии. Родители готовились отмечать Новый год, и я своим

появлением на свет «испортил им праздник».

В Белоруссии в 1940 году открыли специальные школы Военно-воздушных сил. Советское правительство старалось укрепить армию. Нужны были грамотные люди. Нельзя стать лётчиком или артиллеристом, не имея среднего образования. Осенью 1940 года я поступил в такую спецшколу с авиационным уклоном. Это было подобие Суворовского училища для выпускников седьмых классов. В спецшколе были обязательными общеобразовательные дисциплины за 8-ой, 9-ый и 10-ый классы. Наряду с этим курсанты изучали также основы теории полётов, навигации, метеорологии. Форма у нас была почти военная: шинель, шапка-ушанка, китель. Но присягу мы не принимали».

Исаак Евелевич Либо

Великая Отечественная война застала 15-летнего подростка под Витебском. Там, на аэродроме, он со своими сверстниками, так же, как и он, мечтающими о небе, находился в летних лагерях. **На аэродроме базировались бомбардировщики, и мальчишки любили рассматривать эти грозные машины, с завистью глядя на лётчиков. И не предполагали, что вскоре им придётся увидеть другие бомбардировщики, немецкие.**

Ю-88 появились над аэродромом уже на второй день войны. Было раннее июньское утро, но синий горизонт за считанные минуты почернел от дыма. Бомбы падали непрерывно на те самолёты, которые наши лётчики не успели поднять в воздух. От взрывов закладывало уши. Страх и растерянность — вот

первые ощущения от войны, которые запомнились подросткам, оставшимся на несколько дней в своих ненадёжных палатках.

Однако о курсантах не забыли. Вскоре пришёл приказ — добираться на попутных эшелонах в учебный лагерь под Москвой. Оттуда в августе их направили в Сталинградскую школу ВВС. Когда немцы подошли к Сталинграду, мальчишек эвакуировали из города и перебросили под Пермь. В июне 1943 года семнадцатилетний Исаак окончил школу, получил аттестат и принял военную присягу.

Юноша рвался на фронт, но его направили в Челябинское авиационное училище штурманов Aviации Дальнего Действия, которых готовили для дальних полётов в тыл противника.

Ветеран продолжает:

«Я попал в первый набор этого училища и окончил его в сентябре 1944-го года за 1 год и 3 месяца.»

Вскоре началась служба в составе 50-го гвардейского авиационного полка, который находился в подчинении ставки главнокомандующего. В то время наши лётчики летали на английских самолётах марки «Харрикейн». Помню, что часто летали в тыл вместе с планеристом и парашютистом на борту, которых забрасывали в те районы, где были наши партизаны. А ещё мы доставляли всё необходимое к линии фронта.

В 1944 году территория Советского Союза была освобождена от вражеских войск. Партизан не стало, и в марте 1945 года наш полк вошёл в состав 1-го Белорусского фронта. Главными самолётами для нас стали ИЛ-2, которые приходилось приспособливать под бомбардировщики.

Под фюзеляжем крепили балки, на которые подвешивали бомбы. А сам фюзеляж всегда был забит бомбами зажигательными. Вот с таким грузом и летали.

У меня было несколько вылетов в Кёнигсберг, как раз, когда шло его освобождение. Затем мы бомбили территорию

Германии. Первые полёты, как всегда, были с инструктором. После боевых вылетов нам выдавали по 100 грамм. Но мои 100 грамм инструктор отбирал, говорил: «Не положено». В январе 1945 года я уже стал летать самостоятельно.

Под Варшавой у нас был аэродром временного базирования Минск-Мазовецкий. Там бомбы загружали на ИЛ-2. В составе экипажа — 5 или 6 человек: командир, правый лётчик, штурман, борттехник, стрелок. Вооружение — турельный пулемёт УБТ (12,7 мм): по центру фюзеляжа устанавливался купол, и там стоял крупнокалиберный пулемёт. В хвосте слева и справа были окошки, а в них — скорострельные пулемёты ШКАС.

Командир у нас был очень боевой. С самого начала войны он был лётчиком-истребителем. Когда он пришёл в наш полк, у него уже было два ордена Боевого Красного Знамени.

Но по состоянию здоровья с истребителя его списали, и я летал с ним. Настоящая бомбёжка была только в Кёнигсберге. Больше не пришлось — нас не посылали. Всего у меня 33 боевых вылета, за которые я получил орден Красной Звезды.

Во время таких полётов мы потеряли три экипажа, их сбили с земли».

Через много лет после войны Исаак Евелевич побывал в тех местах, которые видел только с воздуха, и помянул своих однополчан.

И вот война с Германией практически закончилась. До Дня Победы оставались считанные дни, когда внезапно пришёл приказ: срочно перебазироваться в город Клин. Тогда ещё никто и не подозревал, что перебазировка была подготовкой к новой войне — с Японией. В июне был получен новый приказ: готовиться к перелёту на Дальний Восток, на границу с Монголией.

И опять — десятки рейсов с военными грузами. Однажды ночью в августе 1945 года полк подняли по тревоге: танкистам, которые накануне пошли в наступление, срочно требовалось горючее. Бывший штурман до сих пор помнит, с какой радостью они разгружали бочки с горючим. Садись на полевые аэродромы, доставляли боеприпасы, горючее, смазочные материалы.

Были полёты с десантом на борту и встречи в небе с японскими истребителями. Об этих полных опасности полётах Исаак Евелевич говорит как о чём-то обыденном, то и дело вставляя в свой рассказ чужие уху слова: Харбин, Чан-Чунь, Мукден, Хин-Гал. Он считает, что не совершил ничего героического, ибо на войне все жили такой жизнью, все рисковали. Вот о погибших, говорит ветеран, надо рассказывать почаще, не забывать их. На войне с Японией ему вручили второй орден Красной Звезды.

Но и после окончания военных действий штурман решил не расставаться с авиацией. Под крылом его самолёта долгие годы проплывали чужие города и страны: Северная Корея, Китай, пустыня Гоби... А в промежутках между полётами удалось за-

кончить курсы слепой и ночной подготовки, после чего Исааку Либо было присвоено почётное звание «Военный штурман 1-го класса».

С этого и началось его продвижение по службе. Он уже был штурманом дивизии, когда началось сокращение Военно-воздушных сил, и полк расформировали. Но опытного специалиста, которому было всего 32 года, без работы не оставили. Осенью 1960 года штурман эскадрильи Либо попадает под Новгород, в Кречевицы.

Новгородскую землю ветеран давно считает своей. Он прожил в Кречевицах большую часть своей жизни. Годы летят, и с каждым днём ветерану всё труднее выбираться из дома.

Свою парадную форму с орденами и медалями он надевает только два раза в год — в День Победы и в День Авиации. Дом, в котором сейчас живёт Исаак Евелевич, — недалеко от аэродрома. Днём и ночью он слышит гул самолётов, и опять перед ним встают лица друзей, чужие страны, страницы истории, военные парады.

Андрей Белов

Андрей Белов
гр. 0041

Есть в человеке такой запас жизненных сил, который позволяет ему не только выжить, но и не озлобиться, сохранить своё человеческое лицо, веру в людей.

К нам ворвалась фашистская свора...

В течение сорока послевоенных лет Заслуженная артистка России, малолетняя узница фашистских концлагерей Любовь Михайловна Коликова никому, даже своим близким, не рассказывала о том, что ей довелось пережить в годы войны. Даже теперь, спустя почти 70 лет, она не может без слёз вспоминать о своём военном детстве.

Маленькую Любу воспитывала бабушка — выпускница Смольного института благородных девиц. В июне 1941 года она отправила 12-летнюю внучку вместе с соседкой и её детьми на летние каникулы в псковскую деревню. Бабушке нравилось, что Люба всегда возвращалась в Ленинград бодрой, весёлой, хорошо отдохнувшей.

22 июня псковичи, как и вся страна, были потрясены сообщением о начале войны с Германией. Немецкое наступление было стремительным. В первые дни люди не получали достоверной информации, поэтому верили, что враг будет остановлен у западной границы. Однако положение было очень серьёзным. Началась мобилизация военнообязанных.

Первые сведения о войне псковичи получили от беженцев из Белоруссии и Прибалтики. Они имели ужасный вид, у многих не было верхней одежды, обуви, документов. Это говорило о том, что люди покидали свои дома внезапно.

Спустя 16 дней после начала Великой Отечественной войны, немецкие войска заняли Псков. Город был сдан практически без боя. Это стало результатом ошибок и просчётов, которые были свойственны первому периоду войны.

Над Псковской землёй нависла долгая ночь неволи. Особенно не защищённой от врага оказалась деревня. Если городское население могло уйти вместе с отступающей армией, то жители деревень узнавали о случившемся часто от самих завоевателей, которые неожиданно появлялись в деревнях, сгоняли всех на соборания и объявляли об установлении «нового порядка».

Вот как вспоминает Любовь Михайловна первые дни войны:

«Немцы шли очень быстро. Наши войска, измученные, подавленные отступали вглубь страны. Легкораненые несли тяжелораненых. Председатель колхоза обратился

Любовь Михайловна Коликова

к замполиту уходящей части: «Скажите правду. Если мы отступаем, то у нас есть три подводы с лошадьми; мы погрузим на них раненых, еду и одежду, быстро соберёмся и пойдём вместе с вами». Но замполит заверил, что они не отступают, а отходят в сторону Ленинграда, на заранее отведённые рубежи. Через два дня председатель почувствовал неладное. Верхом на коне поскакал на станцию возле деревни Ореховцы Гдовского района, в 240 км от Ленинграда. Узнал, что наши войска отступают, вернулся назад и коротко приказал: «Немедленно собирайтесь!».

Сколько людей было бы можно спасти, если бы власти не скрывали от них правду! Мы две ночи провели в лесу. Детей прятали под телегами, хотя было жарко, и дождя не предвиделось. Потом оказалось, что не зря. На вторую ночь раздалась автоматные очереди...».

Немецкая администрация старалась внушить населению страх и отбить у людей всякую охоту к сопротивлению. Уже в августе по всей оккупированной территории распространились приказы, в которых местному населению предписывалось отныне жить по немецким законам. За их невыполнение следовало наказание: каторжная тюрьма или расстрел.

Любовь Михайловна продолжает:

«Мы пешком прошли полпути до Ленинграда, но в деревне нашёлся предатель, которому дали справку с фашистской печатью и назначили старостой.

Нас перехватили и погнали назад. Мы трое суток ничего не ели. Всех деревенских мужиков расстреляли. Женщин и детей заперли в пустой конюшне. Вокруг конюшни поставили пулемёты. Рядом встали автоматчики. В деревне были две учительницы. Одну, партийную, расстреляли сразу, а вторую, беспартийную, привели и бросили в конюшню. Она знала немецкий язык и переводила нам всё, что говорили немцы. О том, что нас собираются съечь, сказала только взрослым. Но дети тоже слышали. Установилась звенящая тишина. Никто не плакал, не кричал.

Мы уже знали, что, если будем просить о помощи, то получим пулю в лоб.

Нам сказали, что недавно партизаны уничтожили грузовик с карателями и двух мотоциклистов. Немцы за это сожгли две соседние деревни вместе с людьми. Нас ожидала такая же участь.

Конюшню обложили соломой, подожгли сначала с одной стороны, потом — с другой. Мы буквально окаменели. А через щели между брёвнами увидели, как во двор ворвался «виллис». Из него выпрыгнул маленький, толстенький фашист и начал кричать своим подчинённым, что, мол, не для того они сюда пришли, чтобы всех уничтожить, а, наоборот, чтобы спасти от большевистского ига. Не знаю, что это было — акция устрашения, или действительно попался наивный, добрый человек.

Ворота конюшни открыли. Я выскочила предпоследней, а на мальчика, который бежал за мной, обрушилась горящая крыша. Выскочить он не успел — придавило балкой.

Мы побежали в деревню к пылающим домам. Уцелели только дом старосты и ещё два-три дома рядом, потому что их поливали водой. Нас распределили по этим домам. Там мы и поселились. Кучей.

Хозяйка заставляла меня просить милостыню. С коробом за спиной я просила у людей корочку хлеба, немного молока. Делать это я не умела, стеснялась и приносила в коробе на доньшке, а хозяйка считала, что я сама всё съедаю, и постоянно меня ругала.

Я сбежала от неё, стала ходить по сожжённым деревням, попрошайничать. Добрые люди давали, что могли, но многие сами ничего не имели. Как-то зашла в одну деревню, чувствую, что вот-вот потеряю сознание от голода. Увидела красивый дом с наличниками. А оттуда запахло хлебом... Я поднялась на крыльцо, открыла дверь, а там — огромный, длинный стол, на столе — хлеб и мои любимые

Любовь Михайловна Коликова

лепёшки. Я раньше никогда не воровала. Окликнула хозяев, но никто не отозвался. Я подошла к столу и крайнюю лепёшечку незаметно подвинула к себе, осторожно взяла её и начала спускаться вниз по лестнице. Но вдруг на меня посыпались удары. Ведь подсказывало сердце — не надо идти, но не удержалась, пошла, а это, оказывается, был дом местного старосты.

Спасли меня две женщины, две сестры. Неделю они мучились со мной. Кто-то из их родственников работал в деревне неподалёку, на мас-

лозаводе, где хозяйничали немцы. Женщины собирали поскрёбьши с бумаги, оттуда же приносили корочки хлеба. Сами голодали, но меня выходили. А когда я встала на ноги, сказали: «Любочка, иди на Гдов. Там в детском доме — хороший комендант, хоть и немец».

Так я и сделала. Немецкий полковник был высоким, с ясными синими глазами. До революции он учился в Петербурге и хорошо знал русский язык. А теперь создал детский дом для ленинградских детей. Благодаря ему, некоторые из нас остались живы.

В 1985 году меня нашла одна девочка из этого детдома. Она узнала меня через 40 лет, увидев в Новгороде мои портреты. Я тоже сразу её узнала.

Когда немцы отступали, мы, дети, прятались по подвалам. Оттуда нас выуживали и товарными поездами отправляли в Германию. Меня до Германии не довезли, мы остановились в польском городе Торне».

Почти полтора года провела Любовь Михайловна в концентрационном лагере на территории Польши.

С конца января 1945 года, после освобождения советскими войсками, вместе с другими бывшими узниками Любовь Михайловна выступала перед нашими войсками с концертами художественной самодеятельности. Бойкая, артистичная, вышедшая из актёрской семьи, она прекрасно пела, танцевала и очень нравилась зрителям. С 11 марта по 13 сентября 1945 года числилась в в.ч. 93034 «артисткой в кружке самодеятельности». Только, к сожалению, в справку, наспех написанную и выданную замполитом перед самым отправлением поезда, вкралась ошибка — неверно указаны сроки.

На Родину Люба вернулась 5 октября 1945 года. И вскоре из фронтовой самодеятельности шагнула на профессиональную сцену.

Отчим умер в блокадном Ленинграде. Бабушку вывезли по «дороге жизни» и отправили в Краснодарский край. У неё была крайняя степень дистрофии, но, как только она встала на ноги, то разыскала в детском доме любимую внучку.

Любовь Михайловна часто встречается со школьниками и студентами, рассказывает о событиях Великой Отечественной во-

йны, свидетелем и участником которых она была. В заключение беседы со студентами Политехнического института она обратилась к аудитории со словами:

«Радуйтесь чужому успеху! Никогда никому не завидуйте. Зависть — это страшное чувство, оно разрушает, сжигает человека. Без любви и добра жить невозможно! XXI век — это ваше время. Страшная, безумная война не должна повториться. Я верю в нашу молодёжь!»

Затаив дыхание, слушали гостью студенты, преподаватели, сотрудники института. Как смогла, как вынесла эта маленькая, хрупкая женщина все невзгоды, выпавшие на её долю? Видно, есть в человеке такой запас жизненных сил, который позволяет ему не только выжить, но и не озлобиться, сохранить своё человеческое лицо, веру в людей.

Александра Яковлевна Иванова и Юлия Ермоленко

Юлия Ермоленко
гр. 0073 зу

Верили, что самое страшное позади

Моя прабабушка, Иванова Александра Яковлевна, родилась 25 января 1925 года в деревне Старая Мельница Новгородского района.

У Шуры было трое братьев: один старший и двое младших. Отец, Александров Яков Михайлович, в апреле 1937 года был репрессирован, осуждён по 58-й ст. и расстрелян как враг народа, позже реабилитирован. Ему было 39 лет. Мама осталась одна с четырьмя детьми.

Шура закончила 4 класса Ляпинской школы и осталась дома нянкой для младшего брата.

В 1941 году старший брат Коля был призван в Красную Армию, воевал на Дальнем Востоке, демобилизовался в 1945 году.

Прабабушка вспоминает:

«Когда Новгород был оккупирован фашистами, многие дома в деревне сгорели. Нашу семью немцы переселили в маленький домик соседки бабы Кристины, а сами заняли наш большой дом. Нам разрешили посадить около дома картошку. Под зиму каждой семье можно было засеять в поле по одной борозде ржи.

До нас доносился гул жестоких боёв и непрерывных бомбёжек. Мы знали, что Новгород полностью разрушен, что в соседних деревнях зверствуют каратели. Правда, немцы, которые стояли в Старой Мельнице, относились к нам нормально, особо не притесняли, хотя заставляли работать всех, даже малых детей. Провинившихся наказывали.

Жилось нам тяжело, приходилось голодать. Как-то мой семилетний братик Витя украл у немецкого доктора, который жил в нашем доме, посылочку с продуктами из Германии. Немец был страшно разгневан, собирался Витю застрелить (а, может, просто пугал?), но вмешалась соседка, которая была неподалёку и стала свидетелем этой сцены. Женищина умоляла простить, объясняла, что мальчик ещё маленький и сильно голодает. К счастью, всё обошлось.

В октябре 1943 года, отступая, немцы стали угонять в Германию новгородскую молодёжь. На станции Григоровской, нас посадили в вагоны и повезли в Прибалтику, в город Добель. В вагоне меня спрятали, прикрыли узлами с вещами, и я вместе с мамой и братьями осталась на хуторе в латышской семье. А позже меня в Германию не отпустил уже хозяин — латыш.

На хуторе мы пасли и доили коров, работали на скотном дворе, выполняли всю работу по дому. В Латвии нам жилось хорошо, сытно. Когда пришли наши, Добель стал

переходить из рук в руки. Однажды нам сказали, что советские войска могут не удержать фронт, и Добель опять перейдёт к немцам. Тогда мы решили вернуться в Новгород.

Добирались долго. Сначала ехали на лошадях до Литвы, потом на поезде. Был сентябрь 1944 года. По пути видели обугленные развалины деревень. И всё это плохо сочеталось — красивая, мягкая природа и зверства преступлений. **Везде озлобленные и голодные дети-сироты в грязной изорванной одежде, женщины, придавленные тяжестью мужской работы.** Дома нас ждали разруха и голод. Поля, огороды — всё заросло высокой травой. Надо было что-то делать, как-то устраивать свою жизнь.

Мы ходили на Юрьевское поле, собирали гнилую картошку. Строили Бронницкий мост, пилили лес по дороге на Ленинград, в районе Рогавки. Работали там всю зиму, а с 1-го апреля пошли на работу в колхоз. Выжили, наверное, только потому, что были молоды и верили, что самое страшное позади».

Через 5 лет после войны моя прабабушка вышла замуж, родила шестерых детей, и всю жизнь много трудилась.

Рассказанные ею истории о военном времени лучше любой официальной пропаганды дают ощутить всю глубину трагедии, через которую прошла страна.

Родители Ивановой Александры Яковлевны

Евгения Белоусова

Евгения Белоусова
гр. 9411 з

На момент
освобождения
от фашистов
всё население
Новгорода
составляло
не более
15 человек.

Нам есть чем гордиться!

С Владимиром Николаевичем Варнаевым мы познакомились на одной из экскурсий, а после этого многократно встречались. Благодаря его рассказам, общению с этим интересным человеком, мы многое узнали об истории нашего города и о Великой Отечественной войне.

Каждая встреча с ним производит на нас огромное впечатление. Он рассказывает о том, что все мы видели, слышали, но о чём всерьёз не задумывались.

Сам Владимир Николаевич участвовал в военных действиях в Афганистане и очень эмоционально об этом рассказывает. Поэтому его слова о войне вызывают особое доверие.

Война — тяжёлое испытание для любого человека, и можно лишь позавидовать тем выдержке и спокойствию, с которыми он вспоминает о своём прошлом.

На экскурсии в кремле

В этот раз Варнаев пришёл в Политехнический институт, чтобы рассказать студентам об истории Великого Новгорода. **Большинство из нас живут здесь с самого рождения, но не знают многих фактов из его героического прошлого. Мы, например, гордо называем Новгород Великим, но редко задумываемся, откуда взялось такое название.** Оказывается, в средние века он был очень большим городом, намного больше европейских столиц.

«Так уж получилось, — рассказывает Владимир Николаевич, — что жители любого древнего города чуть-чуть небрежно к нему относятся. Наверное, потому, что всё так привычно и хорошо знакомо, ничто не поражает взгляд».

Заходя в Кремль, разве мы вспоминаем каждый раз, что перед нами — самая древняя крепость России? Занятые повседневными делами, мы, даже зная об этом факте, очень редко о нём говорим и размышляем. Считается, что новгородцы о своём городе знают всё. Наверное, так должно быть, но, к сожалению, всё обстоит иначе.

Когда мы с друзьями гуляем по городу, нам не приходит в голову осмотреть эти же места со знающим человеком — экскурсоводом. А разве не интересно узнать, какие события происходили в разное время на этой древней земле и о том, какие мы, новгородцы, оказывается уникальные?

«Во всём мире сейчас найдено 1070 берестяных грамот, — рассказывает Варнаев, — из них новгородских — 1015! А если учесть, что из оставшихся 55 грамот, большинство найдено во Пскове, Старой Руссе, Торжке, то на весь остальной мир приходится лишь незначительная часть. Грамоты стали источниками наших знаний о жизни древних новгородцев и показали нам, какими просвещёнными людьми они были!».

Удивительно, но первые в Европе мостовые появились в именно Великом Новгороде, а первые водопроводы проложены не в Лондоне и Париже, а опять-таки в нашем городе.

Даже оружие у новгородцев было необычное. Европейцы предпочитали меч, а любимым оружием наших предков был топор. В умелых руках он, небольшой и лёгкий, был очень эффективным оружием. Новгородцев при Ярославе Мудром дразнили плотниками — мол, если идут на войну, так с топорами.

Но всё же главным оружием были лук и стрелы. Новгородский лук поражал цель на расстоянии, которое даже современным снайперским винтовкам не всегда доступно. Да и по многим другим характеристикам их превосходил. Сила натяжения новгородского лука была до 100 кг; натянуть такой лук было бы трудно даже нынешним олимпийским чемпионам.

Вот почему новгородцы побеждали! В значительной степени потому, что стреляли с очень большого расстояния! Из лука убивали командиров, воины рассеивались, а тут уже шли в бой топоры. Очень хорошая военная система.

«Шведы долго не могли взять Новгород, — рассказывает Владимир Николаевич, — но нашёлся предатель, открывший городские ворота. Его имя — Ивашка Шваль».

Экскурсия по кремлю

Шваль — это не ругательство, это профессия. Только после предательства это слово стало бранным. А по тем временам «шваль» — это портняжка. Новгород пал из-за предательства и за 6,5 лет оккупации почти обезлюдел. Но потом шведы всё-таки ушли — так и не смогли справиться с новгородским сопротивлением. Первые в мировой истории партизаны появились именно под Новгородом, в начале 17 века».

Знаменитый поэт Г. Р. Державин, проживший на Новгородчине вторую половину своей жизни, говорил: «Наконец-то я нашёл ту самую красоту, которую искал во всей России». И воспел новгородскую землю в своих последних поэмах.

Не сохранился памятник новгородскому ополчению 1812 года. Зато на Бородинском поле стоит памятник 2-ой Новгородской кирасирской дивизии. Именно она спасла русскую армию от разгрома. Был прорван фронт, смертельно ранен Багратион, за-

хвачены врагом все русские укрепления, и Наполеон уже приказал подавать шампанское, праздновать победу.

Новгородцы умели драться во все времена. Но мы, к сожалению, не умеем чтить память наших героев. До сих пор нет улицы, названной именем Теодора Андреевича Свиклина. Проведённые им в годы Великой Отечественной войны операции были уникальными, и больше никем не повторялись. При освобождении Новгорода, вопреки всем правилам безопасности, он «пролетел» на максимальной скорости на танке по льду, доказав, что это возможно, и позволив нашим войскам переправиться на другой берег.

Наверное, потому, что Свиклин был этническим немцем, хотя и давно обрусевшим, в годы войны его мало отмечали. Многие его подчинённые имели больше наград. Тем не менее Свиклин был настоящим героем. В его операциях не погиб ни один советский солдат. Это единственный случай в мировой военной истории.

На момент освобождения от фашистов всё население Новгорода составляло не более 15 человек. Это был абсолютно мёртвый город! Новгород пострадал в годы ВОВ больше, чем Сталинград. И мы все должны об этом помнить.

**Людмила Петровна
Дрозд**

С того времени
запомнились
вой сирен,
маскировка
на окнах,
бомбёжки, суета,
паника, плач.

Людмила Петровна Дрозд

Слово «война» громом ворвалось в дома новгородцев...

В нашей семье Андриюшихиных было три дочери, мал мала меньше: Тамара 1933 г.р., Людмила 1936 г.р. и Галина 1938 г.р. Жили мы в Новгороде по адресу: ул. Малоандреевская, дом 22, кв. 7, в квартале между улицами Красной и Никитинской. Напротив нашего двора — территория Шатуновской больницы.

В одной с нами квартире жили родственники: две двоюродные сестры отца и его двоюродный брат со своими детьми и престарелой матерью, бабушкой Ириньей, которая присматривала за всеми детьми в квартире. И, несмотря на такую скученность, — в тесноте, да не в обиде — я всегда с большой теплотой вспоминаю своё довоенное детство.

Наш папа работал шофёром, мама — продавцом. Они почти всегда были заняты, но в те редкие часы, когда вся большая семья была в сборе, нам было очень весело. Папа играл на народных инструментах, мама неплохо пела, и мы, дети, с самого раннего возраста росли с песнями.

У родителей было много друзей, которые со своими детьми часто бывали в нашем доме. Мы вместе отмечали праздники: Новый год, дни рождения и другие. Ёлку папа всегда привозил высокую, красивую. Под наряженной красавицей мы в своих валенках находили подарки. Сколько было радости, восторга...

Мы со своими друзьями танцевали под музыку, пели, играли, водили хороводы: «Со выюном я хожу», «А мы просо сеяли».

Наш дом с флигелем стоял в глубине двора. Другие дома закрывали его со стороны улицы. За домом — фруктовый сад и грядки жильцов нашего дома. В нашем доме жили семьи Андреевых, Колосовых, Москвиных, Васильчиковых. Из других домов наиболее близкими к нам были Некрасовы, Ивановы. У всех были дети — наши друзья по играм.

Мы, как и все дети, часто болели. Навсегда запомнился вкус анисовых капелек и рыбьего жира, который я храбро пила, чтобы скорее поправиться. Замечательная доктор Анна Михайловна Лямцева лечила нас до и после войны.

Мирные дни нашего счастливого детства запомнились шумом, гамом, яркими красками, безудержным весельем.

Даже война с Финляндией, несмотря на то, что наш папа и другие мужчины в ней участвовали, промелькнула почти незаметно и нас не напугала. Война была где-то далеко, папа писал хорошие, ласковые письма. А когда тяжело заболела мама, его отпустили домой.

Мы опять зажили беззаботно. Папа устроился таксистом, возил нас в деревню Тютюцы к маминим родственникам. Деревня большая, многолюдная. Сюда на лето съезжались дачники из Ленинграда, люди весело отдыхали на природе, ловили

рыбу, раков. Сельчане жили небедно.

Помню, идёт вечером с луга стадо. Столько коров, овец! Бараны с закрученными рогами. Везде достаток, мирный труд, весёлый досуг.

Так до войны жили все. Но наступило лето 1941 года!

Слово «война» громом ворвалось в дома новгородцев, в каждую семью нашего дружного двора. Почти все мужчины были призваны в Красную Армию. Первое письмо наш папа прислал с дороги. Это его единственное письмо в свободный Новгород.

В нашей квартире всегда собиралось много женщин, которые приходили послушать сообщения Совинформбюро: у нас был один на весь двор репродуктор — «тарелка».

Скоро война докатилась и до Новгорода. С того времени запомнились вой сирен, маскировка на окнах, бомбёжки, суета, паника, плач.

Из нашего дома в первую же бомбёжку погибла на Московской улице молодая женщина. Многие соседи начали эвакуироваться из города, кто как: по Волхову, по железной дороге, на машинах.

Наша семья покидала двор вечером 17 августа. С нами уходили Некрасовы и Ивановы. Все мы влились в поток беженцев. Улица была запружена машинами, военной техникой, обозами. Пешеходы пробирались по канавам. На всём пути до деревни Зарелье, что расположена на берегу Малого Волховца, нас сопровождали: сзади — грохот орудий, с неба — вой самолётов, рядом — разрывы бомб и снарядов.

Людмила Петровна Дрозд

Переправа была перегружена техникой, военными, покидающими наш берег. **Перейти мост удалось не всем. К утру 18 августа моста уже не было, его взорвали военные.**

В Зарелье нашу семью приютили родственники Ивановых. В подвале дома, где мы разместились, было много беженцев.

Днём в деревню нагрянули фашисты, которые сразу же повели себя по-хозяйски: согнали всех людей на улицу, наловили кур по деревенским дворам и заставили женщин варить суп. Воду и суп первыми должны были попробовать наши мамы.

Мы стали подневольными.

В дом, где мы ютились, попал снаряд. Начавшийся пожар выгнал всех из подвала, наши пожитки сгорели. Нас, раздетых и разутых, выгнали из деревни Зарелье. Несколько дней мы, новгородцы, прятались в соборе Хутынского монастыря, а затем жили в бывшей палате для душевнобольных. Там была большая плита, на которой наши мамы готовили варево из овощей. На колхозных полях был богатый урожай картофеля, моркови, помидоров.

Затем немцы выгнали нас из монастыря. Новгород уже был разрушен. На торговой стороне оставаться было нельзя, нас преследовали оккупанты. На Софийской стороне наша группа укрылась в церкви Фёдора Стратилата, на Новолучанской улице. Большой самовар, который согревали наши мамы, спасал нас от холода и жажды. Недалеко от церкви стояли одноэтажные дома, покинутые жильцами. В одном из таких домов поселилась наша семья. Мы голодали, так как, кроме хряпы, в огороде ничего не было. В доме не было хлеба, соли. За водой женщины ходили на Волхов.

В красной казарме был немецкий госпиталь. Однажды, идя с водой, мама встретила мужчину, который привёз раненых немцев. Он согласился на обратном пути подвезти нашу семью до Подберезья. Однако править лошадью пришлось маме, так как возницу сильно напоили люди, обустроивавшие себе дома при новой власти.

Мама взвалила на телегу этого пьяного дядьку, посадила рядом своих троих детей и повезла в Тютюцы по дороге, уже занятой врагами и потому очень опасной. К ночи мы добрались до деревни, в которой уже всю хозяйничали немцы. Они заняли деревенские дома, а сами сельчане жили в землянках на берегу оврага.

Наших родственников мы не застали. Они уехали в сторону Ленинграда, пытаясь пробиться к своим. Но, увы, это им не удалось...

Маму в деревне признали землячкой. Потому немецкое начальство разрешило ей, как и другим деревенским жителям, жать рожь на колхозных полях.

Мы, дети, сушили и шелушили колоски, на ветру веяли зерно. Так наша семья заготовила себе пропитание — большую роскошь в 42-43 годы.

А пока ещё была осень 1941 года, собрали с огородов овощи. Заготовленные мамой картофель, солёные огурцы, капуста спасали всю родню. Мы соединились с вернувшейся в деревню семьёй мамино дяди.

В Тютюцах немцев сменили испанцы, которых разместили по избам. За деревней стояли вояки других национальностей — финны, мадьяры.

Бои шли где-то далеко севернее Тютюц. Ближе к зиме население опять жило в своих домах. Испанцы не очень притесняли сельчан. В нашем доме квартировали три молодых конюха. Они угощали нас конфетами из посылок, присланных к Рождеству из Испании. Кроме того, видя, что мы, девочки, полураздетые, принесли из конюшни матрац, набитый сеном, вытряхнули сено и подарили ткань нам на платья.

Когда же на деревню напали головорезы-жандармы, и стали грабить население, вынося из домов драгоценности, испанцы выгнали бандитов и вернули хозяевам вещи.

Наступила суровая зима. Тяжёлые бои изматывали людей и животных. Лошади, которые должны были тащить пушки, поды-

хали. Потери среди испанцев были большие, потому в деревню ежедневно возвращалась полевая кухня с полными котлами еды. Мама, с разрешения поваров, раздавала кашу населению. К январю испанцев в Тютцах уже не было.

В январе 1942 года произошли страшные события, после которых с родных мест изгнали всё население.

Немцы захватили в Тютцах разведгруппу красноармейцев, которые проникли ночью в северную часть деревни. Подкрепления не было, поэтому смельчаки были окружены и зверски расстреляны. В Подберезье были танки, которые стали вести огонь по домам. Северная часть Тютц была полностью сожжена. Население из деревни погнали в сторону Новгорода. Некоторые семьи были вывезены в Псковскую область, и там обосновались в деревнях. Наша семья осталась в Витке. Нас приютила женщина по имени Клавдия, выдав за своих родственников.

Страшные команды карателей ещё долго звучали в наших ушах. Жуткие картины, виденные нами ежедневно, никогда не забудутся.

Наши родственники тоже оказались в этой деревне. Со временем мы объединились и стали жить в пустующем доме на краю деревни. Весной мы, дети, бегали в овраг лакомиться пупышами, щавелём и земляникой. У нашей тёти родился мальчик Валера. Когда он немножко подрос, нас, всех пятерых детей, окрестили в церкви, что стоит в Моторово на берегу Питьбы. Из других деревень приходили слухи о зверствах фашистов. Гибели ни в чём не повинные мирные жители.

По деревням в сторону Новгорода тянулись колонны пленённых под Мясным Бором красноармейцев. Конвоиры обращались жестоко с голодными, измождёнными людьми. Тех, кто протягивал руки за хлебом, принесённым крестьянками, убивали прикладами. Наказывали и подающих.

Летом мы видели, как во время привала раненные пленные пили воду из Питьбы, обмывали окровавленные руки и ноги. Население выходило из домов, провожало несчастных. Были случаи,

что в колонне находились родственники местных жителей. Таких, с разрешения немцев, забирали домой, спасая от гибели.

Наступила осень 1942 года. Наша семья — мама и три девочки — переселилась из Витки в Колмово. Наших родственников немцы угнали в Прибалтику.

Мама заболела малярией. В Колмовском госпитале работали русские врачи и медсёстры. Врач по фамилии Вехер работала до войны в 1-ой Новгородской поликлинике. Она лечила маму. Среди колмовских жителей нашлись знакомые, которые нас всячески поддерживали. Женщины ходили по деревням за провизией и делились с нами рожью или ржаной мукой. **Немцы кормили только тех, кто на них работал, а работали лишь те, кому доверяли новые «хозяева».**

В Колмове был лагерь пленных красноармейцев. Многие люди — гражданские лица и лагерные — умирали от инфекционных болезней. Колмовчане были свидетелями массовых захоронений безымянных трупов, сложенных штабелями возле церкви. На территории кладбища рыли большие ямы и сбрасывали туда беспорядочно трупы умерших. Могильщиками были военнопленные, которые ещё держались на ногах.

На этом кладбище была похоронена моя старшая сестра Тамара, которая 22 декабря 1942 года умерла от сильных ожогов, полученных от легко воспламеняющегося нигролина из копилки. В госпитале очаги поражения обработали медицинским спиртом, и от такой «помощи» медсестры Политаевой девочка умерла. Посещая могилку сестры, мы находили человеческие конечности прямо на поверхности земли и относили их в ещё не зарытые ямы.

Жители Колмова были свидетелями и других зверств со стороны оккупантов и их прислужников. В 1941 году, вступив на территорию психиатрической больницы, варвары расправились и с больными, и с медицинским персоналом.

Среди земляков находились предатели. Чтобы выслужиться перед завоевателями, они доносили на соседей. Воннопленных,

рискувших бежать из лагеря, выдавали немцам сельчане; расправы следовали незамедлительно. Особенно выслуживались полицаи, «власовцы», старосты и другие предатели.

Нашей семье тоже пришлось испытать шкурничество нашего бывшего соседа Иванова. Став бургомистром Новгорода, он диктовал маме, как ей жить при немецкой власти. Когда мама возразила ему, донёс в комендатуру, что мамин брат служил в московском Кремле, а муж — коммунист.

Маму от расстрела спас переводчик — новгородский немец из Николаевской колонии. Наши колмовские друзья и соседи стойко переносили тяготы жизни в тылу врага, хотя находились под постоянным обстрелом из советских орудий из-за Волхова по шоссе на Ленинград и встречным обстрелом немецких пушек со стороны железной дороги на восток.

В марте 1943 года под Новгородом были сильные бои. Всё население на несколько суток загнали в подвалы. Но потом опять потянулись уже привычные, тоскливые военные дни. Наши мамы занялись огородами. Мы, дети, оставшись без присмотра, выносили имеющиеся в домах продукты военнопленным, которые выпрашивали у нас хлеб, картофель. А ведь это было всё пропитание семьи! Кто видел когда-либо голодные, просящие глаза, тот знает, что отказать такому человеку невозможно.

Однако сами мы, подневольные, в полной мере испытали глумление немецких солдат и «власовцев» над голодными детьми. Сами они объедались трёхэтажными бутербродами, а детям бросали пустые тубики из-под сыра или пустые консервные банки.

Летом 1943 года мы собрали на берегу Волхова много глушенной рыбы. Она была с душком, но, подсоленная, годилась в пищу. Мы смогли хоть на короткое время отказаться от военных щей из крапивы, которые уже порядком надоели.

Массовый угон населения в Германию осенью 1943 года опустошал деревни Новгородского района, окрестности Новгорода, в том числе пос. Колмово. Из Григорово ежедневно уходили эшелоны с невольниками. Женщины с детьми, старики — вот

основные пассажиры товарных вагонов и платформ. Подростков увозили отдельно от родителей.

Наша семья, как и другие колмовчане, была вывезена в Латвию, а именно в Кандаву. К прибывшему поезду приехали волостные начальники и объявили: «Выходите из вагонов. Вас будут покупать господа». Подчинились, вышли, разместились в лесу на земле. Наутро продрогшие новгородцы встретили хуторян, которые приехали нанимать батраков. В первую очередь хуторяне выбирали работоспособные семьи, которые могли бы обслуживать их немалые хозяйства. Их увозили на хутора, а работники с малыми детьми были нежелательны.

Но нашей семье посчастливилось познакомиться с добрыми хозяевами, которым была нужна няня для их трёхмесячного ребёнка. Золя и Пётр Саксоны стали нашими друзьями на десятилетия. Недолго мы жили в няньках — всего несколько месяцев, но помощь и внимание со стороны этих добрых людей мы чувствовали всегда.

В округе было много хуторов, отстоявших друг от друга на 2-3 км. Хозяева наделов переместились сюда из разных районов Латвии, России, Белоруссии. По вероисповеданию были католики, лютеране, русские староверы. Все жили дружно. Крупные сельскохозяйственные работы выполняли сообща. На дальнем хуторе жили Горкины, родственники известного советского финансиста. От них-то мы и узнали об освобождении нашего родного Новгорода 20 января 1944 года.

Какое-то время мы жили в богатом имении Валдеки, где управляющим был датчанин. Среди работников хозяйства были латыши-старожилы, русские беженцы, украинские и русские военнопленные. Последние размещались в курятнике под конвоем. Украинцы жили в просторных комнатах, свободно перемещались по имению и за его пределами.

Мы тоже жили в комнатах. Наши мамы работали в поле, в оранжереях, ухаживали за скотом. Перемещались мы свободно, без охраны. Вечерами собирались в комнате кого-то из украинцев и хором пели песни. Здесь были взрослые и дети, русские

и украинцы. Нас с сестрой ставили на стол, и мы пели. В нашем репертуаре не было детских песен. У нас и кукол не было. И игры у нас были взрослые: дочери-матери.

Как только убили управляющего, закончились наши спокойные дни и вечера. Наехали вооружённые немцы, арестовали латышskonвоира, русского военнопленного, обвинив их в связи с партизанами. Больше они в имение не вернулись.

Нас же провезли по всей Курляндии, где наших мам заставляли рыть окопы и траншеи. А Красная Армия была уже на подступах к Риге. Немцы и латышские волостные чиновники погнали русских беженцев в Лиепая и Вентспилс, чтобы затем вывезти в Германию. Однако поехали не все. Несколько семей ночью бежали, в том числе мы и наши близкие друзья. Без документов, тайно — где на поезде, а где пешком — вернулись мы к своим добрым Саксонам, а потом — в имение. Немцы грабили хуторян, отбирали скот, устроили в имении бойню, передвижную колбасную фабрику, пекарню. Опустили птичник и свиноводник, где нам и позволили жить.

Свободного хождения не стало. На работу мамы ходили под конвоем. Большинство украинцев ушли на хутор. Из русских военнопленных осталось только 4 человека, судьба остальных неизвестна.

Освобождение пришло к нам в Валдеки 8 мая 1945 года. Сколько было радости: объятия, поцелуи, слёзы благодарности! В этот же вечер к нам в общежитие пришли красноармейцы с гитарой, пели песни о войне, слушали нас. Как было здорово! Нам больше нечего было бояться! Мы скоро вернёмся в Новгород! На следующий день, 9 мая, нашу землячку, пасшую коров, обстреляли с самолёта. Неизвестно за кого её принял наш лётчик. А в местной школе русский и немецкий генералы заключили мир.

**Елена Ивановна
Вязинина**

Ст. научный сотрудник
Государственного архива
новейшей истории
Новгородской области

Отца нет,
и в то же время
он жив в нашей
памяти и в наших
сердцах.

Е. И. Вязинина — ст. научный
сотрудник ГОКУ ГАНИНО

Мы стояли грудью за Кавказ

*День придёт, решительным ударом,
Встанет наш народ в последний раз,
И тогда мы скажем, что не даром
Мы стояли грудью за Кавказ.*

(Из песни «Баксанская фронтовая»)

Лейтенант медицинской службы Иван Николаевич Вязинин, с июня 1942 года по 9 мая 1945 года находился на фронте. Гвардии военфельдшер, командир санитарного взвода 3-го стрелкового батальона 1-го гвардейского стрелкового полка 2-ой Гвардейской Краснознамённой Таманской стрелковой дивизии. Трижды ранен, один раз тяжело, полгода пролежал в госпитале. С декабря 1945 года по январь 1947 года — старший фельдшер

101 гвардейского танково-самоходного полка. Демобилизовался в январе 1947 года. Инвалид войны 2-ой группы.

Мой отец родился 8 июля 1923 г. в городе Старая Русса. В 1937 г., после окончания семилетки, поступил в Старорусское педагогическое училище. Затем работал учителем математики в Пеньковской неполной средней школе Новгородской области. 12 июня 1941 года по рекомендации военкомата подал заявление в Ленинградское военно-медицинское училище имени Щорса. Успешно сдал экзамены и 21 июня вернулся домой. А на следующее утро началась война...

Вот как вспоминал Иван Николаевич начало войны:

«22 июня почти над всей территорией страны было ясное, пронзительно голубое небо и ослепительно сияло солнце... Первое время нас готовили для защиты Ленинграда. Мы знали, что под Лугой уже с 10 июля начались кровопролитные бои. В них участвовали народные ополченцы и старшие курсы нескольких военных училищ. Положение было сложным. Создавалась реальная угроза окружения северной столицы. В конце августа противник возобновил наступление вдоль Московского шоссе. Со дня на день мы ждали приказа об отбытии на фронт, а пока участвовали в мероприятиях противовоздушной обороны (ПВО) и патрулировали улицы Ленинграда».

Но распоряжение поступило иное: училище эвакуировали в Омск. В Сибири курсанты учились по 10-12 часов в день, не считая часов, отведённых на самоподготовку. В начале июня 1942 года уже состоялся ускоренный выпуск. Отец попросился в группу, направляемую на Южный фронт. Там, под Ростовом-на-Дону, пал в бою его старший брат Николай.

У отца были ещё младшие братья: Алексей, Владимир и сёстры: Валентина, Ольга и Таисия. Алексей, 1925 г.р., тоже участник войны, окончил Орджоникидзевское военное училище связи в 1945 году. После войны окончил академию связи имени Будённого, служил на Дальнем Востоке в войсках правительственной

связи. Награждён орденами и медалями. Подполковник. Уйдя в отставку, приехал с семьёй жить в Новгород.

Отец рассказывал:

«В Сальске, в медицинско-санитарном управлении фронта, мы встретили комиссара 2-ой гвардейской дивизии, прибывшего за пополнением. На его предложение пятеро из нас сразу же дали согласие направиться в эту дивизию... Вечером я уже был на командном пункте (КП) первого батальона 1-го гвардейского стрелкового полка.

Только что из училища, в бою побывать не успел, фронта не знал... Как я был благодарен моим первым боевым воспитателям! К сожалению, не помню их имён. Перед глазами встаёт лишь страшная картина беспорядочного ещё отступления, налёты авиации, ранения и смерть. Как мог, оказывал помощь людям... Так я попал в легендарный стрелковый полк, положивший начало советской гвардии в ожесточённой битве под Ельней на пути к Москве в сентябре 1941 года и закрепивший это звание при обороне Курска уже в следующем месяце. А в дальнейшем — куда только нас ни перебрасывали: на Кубань, на Кавказ, в Крым, в Прибалтику!

Летом 1942 года обстановка на юге резко изменилась. Немецкое командование предполагало за короткий срок прорваться к Волге, перерезать коммуникации центральных районов с Кавказом и овладеть его нефтяными

И. Н. Вязинин — курсант Ленинградского военно-медицинского училища. Омск, 1942 г.

И. Н. Вязинин и А. Н. Сабуров — один из руководителей партизанского движения на Украине.

промыслами. И дивизию срочно передали из 56-й армии Южного фронта в состав 37-й армии Северо-Кавказского фронта. С берега Манычского канала нас перебросили под станицы Невинномысскую и Успенскую. Гвардейцы храбро сражались здесь с превосходящими силами противника, часто переходили в контратаки. Выросшие на просторах российских равнин солдаты очищали горы Харахора, Заяюко, Хаймаша. В сентябре прикрывали Баксанскую ГЭС и Чегемское ущелье, уничтожали воздушный десант на самом Эльбрусе с помощью нескольких десятков альпинистов, в основном девушек.

После пятимесячных оборонительных боёв остановили врага в предгорьях главного Кавказского хребта. И все попытки немцев прорваться в Закавказье оказались безуспешными. Наносимые одновременно по всему участку контрудары не давали возможности гитлеровскому

командованию снимать отсюда и перебрасывать войска на Волгу.

1-го января 1943 года во всех частях и подразделениях дивизии прошли митинги. Гвардейцы давали клятву следовать примеру воинов Сталинграда.

Начались бои за населённые пункты Хазнидон, Толдзгун, Новый Урух. Ранним утром 4-го января мы ворвались в Нальчик, и к полудню он уже был освобождён. Впереди — Кисловодск, Ессентуки, станица Суворовская.

15 января войска остановились в десяти километрах от Черкесска. *Погода была на нашей стороне. Разбушевавшийся снегопад бил в лицо немцам.* Поэтому решили, учитывая царивший в войсках наступательный порыв, ударить по явно не ожидавшему наступления противнику. Более того, наш батальон (правда, в нём оставалось всего сотни полторы бойцов), пользуясь неистовой метелью, почти беспрепятственно проник во вражеский тыл, ворвался на окраину города. Освободили какое-то количество домов и свалились с ног от усталости, разморившись от тепла.

А утром-то и началась настоящая схватка, ибо заночевали русские с немцами не только в соседних домах, но кое-где даже в соседних подъездах. Правда, нам с начальником штаба батальона повезло: мы расположились среди румын. Те как будто даже обрадовались. Увидели нас и сразу подняли руки. Было их ни много, ни мало — около двух десятков. А если бы соседями оказались немцы?

На рассвете 19 января, преодолев горный перевал, мы подошли к реке Зеленчук, на рубежах которой стояли части отборной немецкой дивизии «Эдельвейс». Враг превосходил нас, по данным разведки, чуть не вдвое. Контратаки следовали то с одной, то с другой стороны.

Самой кровопролитной оказалась схватка за мост через бурную речку. Гитлеровцам удалось усыпить бдитель-

ность конной разведки (как-никак позади неё уже было около двадцати километров пути, пройденных без единого выстрела). Но когда передние бойцы уже были на противоположном берегу реки, фашисты из засады ударили из орудий и пулемётов по авангарду, только что спустившемуся с моста. На берегу ещё оставались два пулемёта и мы — три фельдшера с санинструкторами.

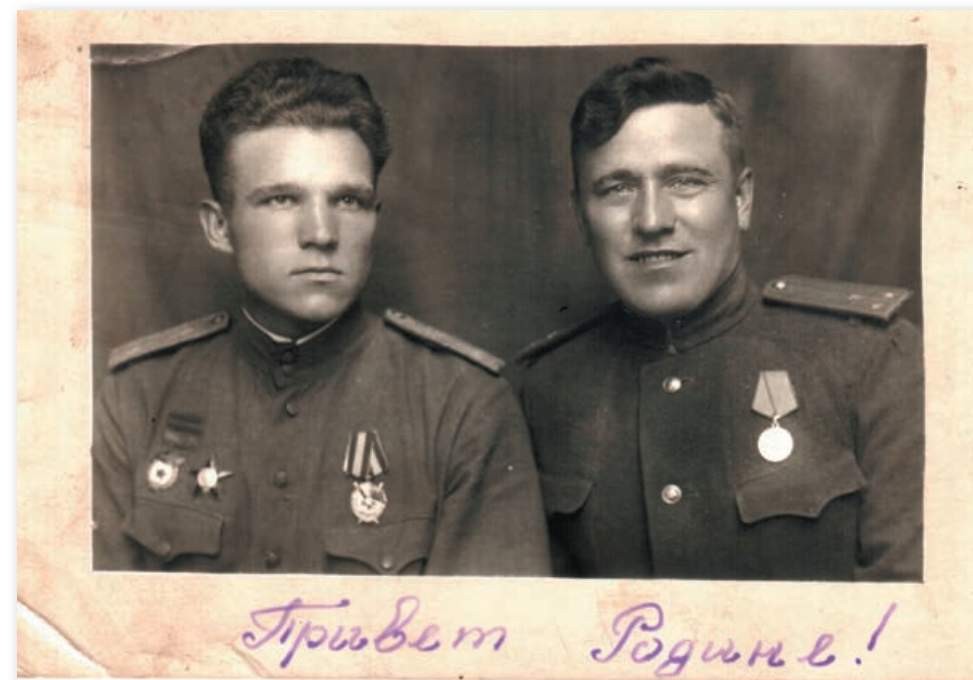
С неимоверным трудом в единственном имевшемся поблизости каменном сарае мы собрали до семидесяти тяжело раненых. Кто из бойцов мог хоть как-то передвигаться, те уходили за реку, помогая друг другу.

Но вот немцы двинулись в очередную контратаку и выскочили на берег. Пришлось и нам уходить. Идущий к нам на помощь 6-ой гвардейский стрелковый полк не успел, хотя ребята последние километры просто бежали. Гитлеровцы обнаружили раненых и жестоко, по-садистски, с ними расправились. В каменном сарае никто не уцелел...

24 января в очередной схватке я был тяжело ранен. Осколок разорвавшейся во время атаки мины немецкого реактивного шестиствольного миномёта пробил мне левый коленный сустав».

Это ранение и после войны будет частенько напоминать отцу о тех тяжёлых днях. Боевые друзья не забывали его в госпитале. Из их писем он знал, что весь март дивизия вела кровопролитные бои на подступах к станице Крымской. Дружно растаявший снег и частые дожди образовали целые озера воды. Гвардейцы подчас не имели никакой возможности просушить свою одежду. Нередко шли в наступление по пояс в воде. Но никто не останавливался перед трудностями, прославляя родное гвардейское знамя.

Из наградного листа: «В боях с немецкими оккупантами за сёла Куба, Заюково, Кызбурун 1-й, Ново-Ивановка и другие населённые пункты КБАССР тов. Вязинин проявил мужество и отвагу в деле оказания медицинской помощи, в эвакуации раненых бойцов и командиров с поля боя. Он оказал медицинскую по-

Фронтвые друзья: И. Н. Вязинин и Приходько. Венгрия. Июль 1945 г.

мощь и эвакуировал в безопасное место около 400 раненых бойцов и командиров.

Тов. Вязинин сам лично вынес с поля боя 39 тяжелораненых бойцов и командиров с их личным оружием и оказал им медицинскую помощь.

24 января 1943 года, оказывая медицинскую помощь тяжелораненым на поле боя, тов. Вязинин был ранен»

Приказом 56 армии от 17 сентября 1943 года он был награждён орденом Красной Звезды.

За станицей Крымской шёл мощный немецкий оборонительный рубеж от Азовского моря до Чёрного, получивший название «Голубая линия». Свои позиции на подступах к Таманскому полуострову — «Голубую линию» — немецко-фашистские войска

И. Н. Вязинин во главе Новгородской делегации на слёте победителей похода в г. Бресте в 1965 г.

укрепляли с начала 1943 года. Глубина обороны здесь достигла 20 км и была насыщена множеством дотов, дзотов, окопами, траншеями, ходами сообщения, минными полями, проволочными заграждениями и хорошо оборудованными огневыми позициями. На её флангах было немало естественных преград: горы, реки, лиманы и плавни. В населённых пунктах и на господствующих высотах противник создал мощные узлы сопротивления. В планах немецкого командования Таманскому полуострову отводилось особое место: обеспечить оборону Крыма на подступах к нему и стать плацдармом для возобновления наступления в сторону Кавказа.

Отец вспоминал:

«Когда я вернулся из госпиталя, дивизию давно уже передвинули влево от станции Крымской километров на десять. Шла усиленная подготовка к прорыву «Голубой линии».

И вот на рассвете 7 августа началась мощная артиллерийская подготовка: самолёты сбрасывали на противника

тонны бомб. Вражеская оборона окуталась чёрными клубами дыма. Войска прорвали две линии. И тут на них навалилась немецкая авиация, видимо, направленная с другого участка фронта. Бомбёжки шли волнами, без устали била их артиллерия... Как их отогнали, мы уже не видели.

Одна из бомб разворотила всё полотно просёлочной дороги и засыпала командный пункт полка и наш блиндаж по другую сторону дороги, а в нем находились я и санинструктор. Хорошо, что не пострадала разведка, которая расположилась неподалёку. Разведчики сразу же откопали КП. Затем мы услышали: «Где-то рядом медпункт принимал раненых». Попытались крикнуть, но песок сразу же заполнил рот. К счастью, и нас вскоре отрыли, и мы бросились благодарить спасителей. Вскоре, когда уже было темно, прибыл командир дивизии.

«Товарищ генерал...», — попытался доложить ему полковник, начальник штаба. Но дивизионный обнял его и с дрожью в голосе сказал: «А мы уже думали, что здесь никого нет».

Прибыла смена, вместе с которой на склоне и на самой высоте мы обнаружили ещё несколько засыпанных. Ранним утром нашли ещё бойцов, но уже мёртвых...

9 сентября, после мощного артиллерийского налёта, наши войска перерезали ещё три линии обороны немцев. А 15 сентября, не выдержав очередного натиска, немцы начали отходить к Керченскому проливу. Нас же, контуженных, радовало ещё и то, что постепенно совсем исчезло заикание.

В эти же дни до двухсот солдат и офицеров нашего батальона были переданы 5-ой гвардейской танковой бригаде для участия в штурме Новороссийска. Бои за город начались в ночь на 10 сентября высадкой морского десанта в бухте. Затем, постепенно засыпая противотанковый ров перед самим городом, наши войска начали лобовые удары пехоты, поддерживаемые авиацией и артиллерией. Но все усилия были тщетны.

И вот, неожиданно для противника, танковую бригаду с нами, десантниками на бортах, 15 сентября бросили через минное поле между городом и «Сахарной головой» (большая лысая высота перед перевалом). *Оказывается, сапёры с разведчиками неплохо потрудились и разминировали поля, работая по ночам. Подорвалось не более десятка танков.* Мы с санинструктором на автомашине бросались на помощь раненым, и во время боя потеряли две. Одну машину накрыла бомба, разбив кузов, другая подорвалась на mine, когда освобождала дорогу.

Начались уличные бои. К десяти утра следующего дня мы очистили город от противника.

Впереди была Анапа, где меня ранило во второй раз и слегка контузило. Но я остался в строю. 9-го октября 2-ая гвардейская стрелковая дивизия получила почётное наименование «Таманская» за заслуги в освобождении одноимённого полуострова.

Золотой страницей в боевую историю дивизии вошла операция по форсированию Керченского пролива и захвату плацдарма на крымской земле.

В ночь на первое ноября мы погрузились на мотоботы Азовской флотилии. Но только покинули Темрюк, как разыгрался неистовый шторм, который доходил до восьми баллов. Все ждали хотя бы небольшого улучшения погоды. Лишь на другой день шторм начал стихать. 2-го ноября в 23 часа от косы Чушка флотилия с десантом устремилась к берегам Крыма. Всё больше сокращалось расстояние до берега. И вдруг огромной силы удар подбросил головной катер — плавучая мина оторвала нос у судна. На помощь потерпевшему катеру подошёл другой. Но тут взлетел на воздух второй, затем третий... Когда основные силы всё же приблизились к берегу, сразу включились несколько мощных прожекторов. Немцы открыли по десанту шквальный огонь из орудий и миномётов. Снаряд за снарядом, мина за миной ложились вокруг десантных судов.

С противоположного берега по немцам интенсивно била советская артиллерия. Но вот головной катер воткнулся в отмель, за ним другой... Санчасть 1-го стрелкового полка перемещалась по заливу на рыбацкой шхуне, минуя магнитные мины и лавируя между обломками.

Подошли к берегу, по сути, в первом эшелоне. Надо высаживаться.

— Кто умеет хорошо плавать? Посмотрите, нет ли ещё вблизи мин?

Я, не раздумывая, бросил вещевой мешок, прыгнул в воду, раскинув полы шинели. С трудом двинулся вперёд, шхуна за мной. Но моих сил явно не хватало. Хлебнув волны, мысленно попрощался с родными. И вдруг... носки коснулись дна. Оттолкнулся от него и пошёл к берегу. Медики начали высаживаться. А следом за нами уже пристроилась другая шхуна».

Прыгали в воду бойцы штурмовой группы. Выскочив на берег, тут же устремлялись в атаку, уничтожая огневые точки врага, чтобы захватить плацдарм для высадки основных сил десанта. Им нельзя было назад, только вперёд. Позади море и смерть, а впереди, хоть и опасно, но победа. Катера первого эшелона всё ещё продолжали подходить, а штурмовые отряды уже вступали в жаркие схватки.

«К утру после короткого, но ожесточённого боя гвардейцы 2-ой стрелковой дивизии очистили населённые пункты Глейка, Маяк, Опасный. При форсировании наш полк потерял безвозвратно свыше двухсот человек. Контратаки противника следовали, казалось, одна за другой, хотя к вечеру всё же выдохлись. Но и у нас мало людей оставалось в строю, особенно офицеров: всего один командир батальона на полк. А в батальоне — один ротный без взводных лейтенантов».

Из наградного листа: «В бою по прорыву «Голубой линии обороны» немцев с 15 по 26 сентября 1943 года, в оже-

сточённых схватках на промежуточных рубежах обороны на подступах к Новороссийску, Анапе и Тамани, тов. Вязинин, действуя смело и храбро под огнём противника, вынес с поля боя 50 тяжелораненых бойцов и командиров.

В ночь на 3 ноября 1943 года в штормовую погоду под обстрелом противника форсировал Керченский пролив и, действуя в составе штурмовой группы, высадившись на восточном берегу Керченского полуострова, быстро организовал вынос раненых с поля боя и их эвакуацию в безопасное место. В этом бою тов. Вязинин сам лично вынес с поля боя 19 раненых бойцов и командиров, оказав им необходимую медицинскую помощь. Достоин награждения орденом Красного Знамени».

К наградному листу прилагался «Список раненых бойцов и командиров 1-го гвардейского стрелкового полка 2-й Гвардейской Краснознамённой стрелковой дивизии, вынесенных с поля боя с их личным оружием гвардии военфельдшером Вязининым Иваном Николаевичем». Среди них красноармеец Долгов И. П. (ПТР — противотанковое ружьё), ст. лейтенант Зинченко К. Л. (пистолет «ТТ»), ст. сержант Локтионов А. Т. (ППШ — пистолет-пулемёт Шапошникова) и многие другие. А всего — 69 человек.

Бои за расширение плацдарма продолжались до 26 ноября. Это была территория в 33 квадратных километра (три по фронту), после чего дивизию отвели во второй эшелон на доукомплектование личным составом и боевой техникой.

Вот как вспоминает дальнейшие события Иван Николаевич:

«22 февраля я получил новое ранение, на этот раз пулевое, при обычном ночном посещении переднего края.

Пока находился на излечении, дивизию после взятия Севастополя и освобождения Крыма перебросили в Прибалтику. А тут ещё неожиданно занесли старые раны, меня даже на какое-то время уложили в постель. Потом уговорили остаться служить в госпитале.

Герой Бреста П. М. Гаврилов, И. Н. Вязинин, К. Акимов (журналист)

Впереди были Украина, Молдавия, Румыния, Венгрия. Бои шли не менее ожесточённые. Хватало дел и нам, медикам армейского госпиталя легкораненых (ГЛР № 1609). Так, в Яско-Кишинёвской операции не успели мы развернуться для приёма 500, максимум 700 человек, как за три дня «пропустили» более 5 тысяч раненых. **У операционных столов находились не только хирурги и терапевты, но даже зубные врачи. Каждый помогал в меру своих сил и способностей».**

День Победы отец встретил на венгерской земле, под Будапештом. К сожалению, медаль «За взятие Будапешта» так и не была ему вручена. Документы где-то затерялись.

Иван Николаевич Вязинин награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-ой степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

медалью Г. К. Жукова, юбилейными медалями. **Инвалид войны 2-ой группы, он многое пережил в военные годы: ранения, смерть боевых друзей. Всё было: стрельба, бомбёжки, кровь, страдания раненых.**

Демобилизовался он в январе 1947 года. После войны его родная 2-ая Таманская стрелковая дивизия стала неременной участницей парадов на Красной площади. Вернувшись в Старую Руссу, отец продолжил свою педагогическую деятельность. Работал в школе, затем в органах МВД. Восстанавливающийся курорт начал принимать первых больных, которые, естественно, хотели узнать об истории города. Краеведческий музей был разрушен в годы Великой Отечественной войны. Администрация обратилась к И. Н. Вязинину. Свою первую беседу он провёл 9 мая 1947 года. Потом начались выступления в школах города, в рабочих коллективах, на радио и в местной прессе.

Окончив исторический факультет ННПИ, он начал собирать информацию по истории города, расспрашивать уцелевших местных жителей, исследовать котлованы строящихся зданий. Наряду с другими материалами, это послужило основанием для археологического исследования Старой Руссы, одобренного руководителем Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховским и его заместителем В. Л. Яниным. В 1966 году в Старой Руссе были начаты археологические раскопки, которые возглавил старший научный сотрудник института Археологии А. Ф. Медведев. Вязинин часто посещал раскопы и участвовал в работах.

С июня 1964 года до 1998 года работал в Новгородском политехническом институте, вошедшем впоследствии в Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. Защитил кандидатскую диссертацию на историческом факультете МГУ. Вязинин — автор многих книг, статей по истории Новгородчины и, в частности, Старой Руссы. Большое внимание всегда уделял патриотическому воспитанию молодёжи. Выступал с лекциями перед молодёжью и студентами. Являлся членом штаба Всесоюзного похода по местам боевой и трудовой славы. Руководил новгородскими делегациями на слётах «Победителей походов по местам боевой и трудовой славы» (Брестская крепость — 1965 г., Москва — 1966 г.).

В 1994 году вышла книга И. Н. Вязинина «Старая Русса в истории России», написанная на основе многолетнего изучения архивных материалов, обобщения документальных сведений. На сегодня эта книга — самый полный справочник по истории Старой Руссы.

Вязинин является консультантом и автором статьи в книге «Формирование русского характера на примере исторической судьбы Старорусского края (2003 г.), одним из составителей книги «Великий Новгород — колыбель российского образования» (2000 г.), научным консультантом областной Книги Памяти защитников Отечества.

В 1998 году ушел на пенсию с должности профессора кафедры Отечественной истории НовГУ, но продолжал научно-исследовательскую и общественную деятельность. В последнее время работал над книгой «Святыни Старой Руссы». К сожалению, не издан исторический роман о военных поселениях и восстании 1831 года.

Отец больше рассказывал о других, а о себе — смешные случаи, которые происходили с ним на войне. Но как он рисковал на передовой и как героически вел себя в бою, мы узнали из наградных листов.

До сих пор не верится, что его нет с нами. Его нет, и в то же время он жив в нашей памяти и в наших сердцах. Я часто вспоминаю его слова, его взгляд, его улыбку. Он был добрым и ласковым отцом, настоящим мужчиной, отважным защитником Отечества.

И. Н. Вязинин в НовГУ

ОТЗЫВЫ об экскурсии по улицам Новгорода «Их именами названы улицы города»

Виктор Карпушкин
гр. 8061

Мы должны сохранить память о войне

Улицы города — это ориентиры, а ещё улицы — это памятники. С этой точки зрения экскурсия «Их именами названы улицы города», на которой мне удалось побывать, была интересной и познавательной.

Часто ли мы в повседневной жизни задумываемся о названиях улиц? Называя таксисту привычный адрес, вроде «бульвар Лёни Голикова, дом 6», или, читая в газете заметку об открытии новой автомастерской, к примеру, на улице Коровникова, вряд ли мы каждый раз пускаемся в размышления о том, что стоит за этими именами. А стоило бы — хотя бы иногда...

Что такое особенное сделали эти люди (теперь уже герои Великой Отечественной войны), чем заслужили такую честь? Ответ понятен и прост. Эти люди, обычные солдаты своего времени, жертвовали собой ради товарищей и простых горожан, закрывали собой немецкие дзоты — самоотверженно исполняли свой долг, так, как его понимали. И становились героями! У них не было времени подумать о героизме и значимости своего поступка. Не ради награды шли они на верную смерть, а ради своих земляков, ради Родины и Победы. О том, что когда-нибудь их именами назовут улицы города, они не знали и теперь уже не узнают никогда...

На нас (сейчас я говорю о своих сверстниках) лежит ответственность за сохранение памяти о героизме предков. Важно знать имена героев Великой Отечественной войны, их подвиги, истории жизни и смерти. Но ещё важнее, на мой взгляд, относиться

На церемонии возложения венков к Вечному огню

с уважением к улицам, домам, архитектурным памятникам, которые для моего поколения являются символами героического прошлого города, страны, всего народа.

Проходя по улицам с именами героев, глядя на плачевное состояние домов, в том числе и по вине малолетних (и, к сожалению, уже не столь юных) вандалов, я всегда испытываю стыд.

Именами наших дедов и прадедов названы улицы, а что делаем мы в том возрасте, когда они уже отдавали за Родину свою жизнь? Больно видеть свастики и другую гитлеровскую атрибутику на стенах домов того города, который был полностью разрушен войсками Третьего Рейха. Больно и очень стыдно. Мерзко становится на душе, когда видишь, как ради забавы оскверняются памятники воинской славы, когда ни в грош не ставится память о погибших героях. Как это возможно в городе с такой богатой, славной и в то же время трагической судьбой?

Наше варварство, а порой просто глупость, бросаются в глаза с первых минут автобусной экскурсии по улицам Новгорода. Но мне не хочется думать, что всё так печально и безысходно. Хочется верить, что и среди моих сверстников найдутся люди, чьими именами внуки и правнуки захотят назвать новые улицы растущего города.

Но чтобы это когда-нибудь стало возможным, нужно уже сегодня уважать память о героях, увековеченную в названиях улиц, на мемориальных табличках, стелах и памятных знаках. Думаю, нашему поколению это по силам!

Александр Кузнецов
гр. 8061

Война оставила страшный след в памяти выживших

Великая Отечественная война прошла грозной чёрной тучей по нашей земле. Уже в самом начале войны, 2 июля 1941 года, Новгород подвергся бомбёжкам. Для фашистов было стратегически важно не только захватить промышленные центры, но и уничтожить город, который был особым знаком в истории Государства Российского.

Война унесла с собой миллионы жизней и оставила страшный след в памяти выживших. Но, несмотря ни на что, наш Новгород вместе со всей страной сумел пройти через все испытания и победить фашизм.

Сейчас о той войне вспоминают всё реже и реже. Время идёт, забываются герои того времени. Но история учит нас, что без прошлого нет будущего. Историю войны вершили наши прадеды и деды, нынешние ветераны. С каждым годом их становится всё меньше... Но они ещё есть и живут рядом с нами.

Если мысленно пройтись по новгородским улицам, то можно обратить внимание на то, как много улиц названо в честь героев

Великой Отечественной войны. Названия улиц города возвращают нас к событиям того далёкого времени, например, улица Черняховского, Панкратова, Мерецкова, Лёни Голикова и др.

Перечисляя названия этих улиц, мы вспоминаем о выдающихся людях, каждый из которых внёс свой вклад в историю нашей Родины и в какой-то степени определил облик нашего настоящего, времени, в котором мы живём.

Защитниками Новгорода были бойцы 28-ой танковой дивизии, которой командовал дважды Герой Советского Союза генерал армии Иван Данилович Черняховский. Одна из улиц города носит его имя. Черняховского называли вторым Жуковым. Он вместе с группой бойцов-танкистов оказался под Новгородом в августе 1941 года, и они сдерживали немцев почти месяц, хотя немцы в 20 раз превосходили их по численности.

Немцы настолько боялись «черняховцев», что называли их чёрными дьяволами. И не только потому, что те выходили сражаться с врагом в чёрных комбинезонах, а, в основном из-за их беспримерной храбрости.

В честь Героев Советского Союза Красилова, Черемнова, Панкратова, Герасименко тоже названы улицы нашего города. Люди, имена которых навсегда остались в истории Новгорода, впервые в Великой Отечественной войне в одном бою совершили подвиг самопожертвования. Они закрыли своими телами немецкие дзоты. Этим героям посвящён также памятный знак, который стоит на Ярославовом дворище.

Улица Панкратова названа в честь простого парня из Вологды, который ценой своей жизни спас своих друзей-однополчан.

Бульвар Лёни Голикова был назван в честь обычного деревенского подростка, который сумел взять в плен немецкого офицера с ценными документами. За этот подвиг и за свою отвагу он получил звание Героя Советского Союза.

И это только те, чьи имена на устах, поскольку увековечены в названиях улиц. А сколько ещё героев остались неизвестными?!

Отзывы об экскурсии в Долину мужества

Виктор Карпушкин
гр. 8061

Я стал лучше понимать, в каких местах я живу

Экскурсия в Мясной Бор мне на многое открыла глаза, заставила по-новому взглянуть на ранее известные события и факты.

Восхищает героизм простых советских солдат, обычных людей того времени — наших дедов и прадедов. Какие страшные испытания выпали на их долю! Теперь я стал лучше понимать, в каких местах я живу. Окружающие наш город леса и болота просто пропитаны кровью десятков и сотен тысяч солдат и мирных жителей. Каждая улица нашего города видела героизм, смерть

Мясной бор. Церемония захоронения останков погибших воинов.

и предательство. Новгород не был стёрт с лица земли лишь благодаря нечеловеческим усилиям рядовых солдат и офицеров.

Экскурсия заставила также задуматься, какой бесчеловечной была та эпоха. Потрясает отношение к людям во время Великой Отечественной войны. Не укладываются в голове те немыслимые ситуации, в которых они оказывались по воле властей. Люди, пережившие все ужасы немецкого плена, вернувшись на Родину, опять попадали в лагеря. Члены семей и друзья разделяли их участь, как члены семей врагов народа. Полководцы, понёсшие поражение, были вынуждены под пытками подписывать признание в шпионаже в пользу врага. А потом, после полугода мучений и унижений, опять возвращались на фронт и, несмотря ни на что, так же честно служили Родине, сражаясь с фашистами.

Если честно, история нашей страны порой просто выходит за рамки понимания неких граней реальности, в которой мы сейчас живём. К сожалению, наша история вызывает во мне не только чувство гордости, но и всё чаще ощущение стыда. Однако это наша история, и отказываться от неё мы не имеем права. Но без мурашек, пробегающих по спине, и слёз на глазах, осознавать её очень сложно.

Евгений Мошников
гр. 8061

Это воспринималось, как обычная солдатская работа

13 октября была ясная солнечная погода, хотя накануне весь день лил дождь. Похоже, природа нарочно дала нам возможность совершить экскурсию в прошлое.

По пути экскурсовод рассказывал нам о боевых действиях войск Волховского фронта, который был создан в конце 1941 года после захвата противником города Тихвина. В то время положение Ленинграда было очень трудным. Волховскому фронту отводи-

Студенты Политехнического института на церемонии возложения венков в Мясном Бору

лась решающая роль в разгроме немецкой группировки армий «Север» и снятии блокады Ленинграда. Командовал фронтом генерал К. А. Мерецков.

Вдоль дороги в сторону Ленинграда нам встречались «вехи» войны — памятники павшим воинам и мирным жителям, замученным фашистами в годы оккупации.

Бойцы сознательно приносили себя в жертву во имя святой цели — спасения нашей земли. Они понимали свою роль в жестокой схватке с фашизмом, сознавали, что окончательная победа складывается из тех самых маленьких побед за высоту, траншею, водный рубеж, населённый пункт, которые они стойко защищали и отвоёвывали у противника.

И это воспринималось как обычная солдатская работа. Борьба была упорной и стоила нам немалых жертв.

Многое из того, что рассказал нам Владимир Николаевич Варнаев, мы уже слышали, но о многих эпизодах войны узнали только

на этой экскурсии. И когда ты стоишь у братского захоронения, где покоятся участники боёв и где каждая пядь земли полита солдатской кровью, дрожь пробегает по всему телу и сердце сжимается в комок.

Прошло почти 70 лет после страшных боёв первого года войны. Но не забудутся ратные подвиги сражавшихся здесь солдат и командиров.

Бессмертной славой овеяны имена Героев Советского Союза Тимура Фрунзе, Мусы Джалиля, который в бессознательном состоянии был взят в плен под Мясным Бором, имена тех, кто своим телом закрывал огневые точки: А. Панкратов, И. Герасименко, А. Черемнов, А. Красилов (каждый из них совершил свой подвиг в конце января 1942 года на западном берегу реки Волхов). В боях под Мясным Бором погибло 6 тысяч человек, и 8 тысяч пропали без вести. Таков итог Любаньской операции. Но, несмотря на такие большие потери, наши войска сорвали наступление группы армий «Север». Многие дивизии враг оттянул из-под Ленинграда, что дало возможность нашим войскам закрепиться и держать оборону Ленинграда.

Я — новгородец. Родился, живу и учусь в Новгороде. Горжусь нашей историей, чту память погибших и никогда не забуду их имена и подвиги.

Антон Антонов
гр. 7061

Скажем «спасибо» за то, что они сделали

В нашей стране нет семьи, которую бы обошла стороной Великая Отечественная война. У каждого есть родственники, которые пережили этот ад и помнят те страшные годы.

Недавно Политехническим институтом была организована экскурсия в Мясной Бор. Мы получили возможность посетить

Вечная память героям войны!

места, где шли одни из самых жестоких боёв Великой Отечественной.

Мясной Бор находится на трассе Москва — Санкт-Петербург. Каждому из нас приходилось по ней ездить, но не все знают, какими силами и с какими жертвами была отвоевана эта земля у фашистов.

Я понимаю, что таких мест, где покоятся останки героев Великой Отечественной войны, на территории России немало, но давайте будем помнить и чтить память хотя бы тех, о подвигах которых мы знаем. Их не вернуть, но, как сказал поэт: «Пусть не думают, что мёртвые не слышат, когда о них потомки говорят».

Я советую всем найти время на такие экскурсии. Это не только расширяет знания о войне, но и позволяет отдать дань памяти тем людям, которые стояли на защите нашего города, нашей страны.

И кто знает, какой была бы наша сегодняшняя жизнь, не будь этой Великой Победы? Поэтому давайте будем с уважением относиться к нашей истории, будем внимательными к ныне живущим ветеранам, уступать пожилым людям места в автобусах, помогать им, чем можем. Ведь это самая малость из того, что мы можем сделать для них. Надо помнить, что, даже если они не держали оружия в руках, то кто, если не они, восстанавливал наш город после войны?

И, поклонившись, скажем СПАСИБО за то, что они сделали.

Андрей Дворяшин
гр. 8041

За каждой надписью на гранитной плите стоит человеческая жизнь

Разлиновав карту на квадраты, где-то глубоко в тылу великие полководцы вершили судьбы мира. Словно точёные шахматные фигурки, они передвигали дивизии и полки, приказывая бойцам идти в наступление. Каждый солдат знал, на что он идёт и чем рискует. Тяжело было всем. Но не дрогнула рука командира и не дрогнули в строю рядовые бойцы, отдавая последние силы борьбе с фашизмом.

Жестокость противника поражает. Приводит в ужас уже сама мысль, что кому-то, пусть и по другую сторону баррикад, всё это (!) могло прийти в голову.

Мемориалы боевой славы, если пролетаешь мимо на большой скорости, не очень-то заметны на дороге. Видны лишь невнятные полосы на мраморных и гранитных плитах. Жизнь идёт, и мы не можем думать постоянно о трагических событиях прошлого, но стоит остановиться и подойти к памятникам поближе, как начинаешь понимать, что за каждой надписью стоит человеческая жизнь. И о количестве этих загубленных жизней можно только догадываться. Перед такими многочисленными жертвами низко склоняешь голову.

Экскурсия в Мясной Бор

Несмотря на все потери и неудачи Советской Армии в начале войны, я, узнавая больше о нашей истории, испытываю гордость за наш народ, за мужество людей, которые защищали нашу землю, своих родных и близких.

Меня поразило, что люди, которых подвергали пыткам и ссылали в лагеря, после всего пережитого, опять вставали на защиту страны и побеждали.

В. Н. Варнаев вёл экскурсию так, что мы все могли погрузиться в то время, почувствовать боль и страдания людей, силу и мужество бойцов, гордость за свою страну.

Александр Баталов
гр. 8041

Их везли навстречу войне

Наверное, каждый новгородец хоть однажды проезжал по автомобильной трассе Москва — Санкт-Петербург. На всём протяжении

нии, и особенно в районе деревни Мясной Бор, видны скромные солдатские могилы, памятники дивизиям и полкам, высится часовня на мемориале, где захоронены 57 тысяч воинов брошенной на гибель 2-ой Ударной армии Волховского фронта.

В. Н. Варнаев всю дорогу рассказывал нам о жестокости вражеских войск, о тех событиях, которые происходили на Новгородчине в годы войны. Невозможно забыть его рассказ о ленинградских детях, погибших под бомбами в посёлке Лычково.

Когда немцы подошли к Ленинграду, началась эвакуация мирных жителей. В первую очередь в тыл отправляли детей. Их вывозили из Ленинграда, чтобы спасти. Но, оказалось, их везли прямо навстречу войне.

На станции Лычково в Демянском районе фашистские самолёты разбомбили эшелон из десятка вагонов, на которых были опознавательные знаки — красные кресты. Никто не знает,

Экскурсия в Лычково. Мемориал «Дети войны».

Лычково. Памятник погибшим детям

сколько невинных малышей дошкольного возраста погибло в тот трагический день. Но, похоже, не меньше тысячи.

Выжить удалось единицам. И была среди них двухлетняя девочка, которая лежала под трупами, прижимая к себе красивую новенькую куклу. Именно благодаря этой кукле, приглянувшейся другому ребёнку, обнаружили, что девочка жива.

Этот страшный рассказ поразил меня больше всего. Я приехал в НовГУ из Краснодарского края. О том, что, наверное, известно всем новгородцам, я услышал впервые. Такое чудовищное злодеяние нельзя забыть и нельзя простить.

Экскурсия в Мясной Бор произвела на нас огромное впечатление. Владимир Николаевич рассказал о том, о чём в ежедневной суете мы редко задумываемся. А жаль. Дорога от Великого Новгорода до деревни Мясной Бор должна стать для новгородцев «дорогой памяти» о том, чего нельзя забывать.

Олег Малышев
гр. 0041

По убитым остаётся боль и память

Я не новгородец. В Мясном Бору побывал с экскурсией впервые, хотя многое о нём слышал раньше. В. Н. Варнаев очень подро-

но рассказывал о событиях, которые в годы войны происходили в этих глухих, болотистых местах.

Некоторые факты из его рассказа меня просто потрясли. Уничтожение фашистами эшелона с ленинградскими детьми у станции Лычково, превращение в пепел десятков деревень вместе со всеми жителями — это невозможно ни понять, ни объяснить с точки зрения нормального человека.

Сильное впечатление произвёл рассказ о трагической гибели под Новгородом десятков тысяч советских бойцов, останки которых до сих пор не захоронены.

Новгородской земле было суждено стать ареной тяжелейших боёв.

В конце 1941 года в ходе операции по деблокадированию Ленинграда Красной Армии удалось прорвать немецкую оборону

в районе Мясного Бора. В образовавшуюся брешь двинулись бойцы 2-ой Ударной армии и стали стремительно продвигаться в направлении Любани — стратегически важного населённого пункта. За этот коридор развернулись ожесточённые бои. Пока длилась операция, с декабря 1941 по июнь 1942 года, его ширина менялась от 3-4 километров до легко простреливаемого пространства в 300 метров. Сложность в снабжении армии через узкий коридор обусловили неудачи Красной Армии в Любанской операции.

Меня особенно поразило то, чем снабдили бойцов на всё время наступления. Сухой

Студенты на церемонии возложения венков

паёк состоял из полбуханки хлеба и небольшой банки консервов, а боекомплект — из 10 патронов для винтовки. И это почти на 100 километров непрерывных боёв! А что может быть тяжелее томительного сидения в болотах под постоянным дождём и пронизывающим ветром, без продовольствия и боеприпасов!

По различным данным, в ходе наступления с 7 января по 30 апреля наши потери составили: убитыми — около 100 000 человек и больше 200 000 — ранеными, больными и обмороженными.

Существуют разные мнения о судьбе 2-ой Ударной армии. Некоторые считают всех солдат этой армии предателями и презрительно называют «власовцами». Я с этим категорически не согласен! Предателем был только генерал Власов. Он не просто сдался в плен (это можно понять и простить), а начал активно сотрудничать с врагом.

Остальные солдаты и офицеры выходили с поднятыми руками только после многомесячного голодания и жесточайших боёв, которые не прекращались круглыми сутками. Изнурённые, истощённые, с трудом держась на ногах, они сражались до последнего, но помощи не было. 25 июня 1942 года немецкие войска (в боях принимала активное участие и испанская Голубая дивизия) замкнули кольцо. И 2-ая Ударная армия Волховского фронта оказалась в окружении.

Сейчас в районе Мясного Бора продолжаются активные работы по поиску и дальнейшему захоронению погибших и ещё не захороненных солдат. К сожалению, здесь не менее активно работают и, так называемые, «чёрные копатели», занятые поиском оружия и ценных вещей.

Давно закончилась Великая Отечественная война, но рядом с нами ещё живут люди, в чьей памяти свежи воспоминания о том суровом времени. Долгая, тернистая дорога вела к Великой Победе. Мы должны помнить о тех, кто выстоял в жестокой схватке с врагом и водрузил над поверженным рейхстагом красное знамя Победы.

Яна Гулина
гр. 9071

Меня поразило, как невероятно много в период тяжёлых испытаний решает вера человека, вера в правоту своего дела. Сейчас нам трудно представить, каково это — в течение нескольких недель не давать врагу продвинуться по улице осаждённого города даже на пару метров. Человек, не прошедший через это, не может до конца осознать, как можно было выдержать все невзгоды военного времени и не сломаться, не пасть духом. Разве могли без веры полуголодные, почти безоружные люди не только выстоять, но и победить, прогнать захватчиков с нашей земли?

Марина Неверова
каф. «Технология
машиностроения»

Это нам они отдали свою жизнь

Тёплым осенним днём 18 октября 2011 года студенты Политехнического института НовГУ совершили очередную поездку в деревню Мясной Бор.

Вёл экскурсию старший научный сотрудник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника Владимир Николаевич Варнаев.

Мясной Бор принадлежит к тем святым для каждого русского человека местам, где оставила свой неизгладимый след Великая Отечественная война. Эта война испепелила великую землю прекрасной страны, но не сломила сильного духа русского народа, который нашёл в себе силы выстоять в дни тяжёлых испытаний. Здесь каждый стоял до конца, не жалея сил, и победил, несмотря ни на что.

Я приехала в Новгород из далёкой Средней Азии, и поэтому для меня такая экскурсия была особенно интересной и познавательной.

Мясной бор

Землю у Мясного Бора, обильно политую кровью десятков тысяч советских бойцов, поисковики назвали «Долиной смерти». Это небольшое поселение носит своё название с незапамятных времён. Когда-то здесь была крупная мясобойня, здесь валили скот, и деревня называлась не «Мясной Бор», а «Мясной Бой»

Долгое время обстоятельства гибели 2-ой Ударной армии были преданы забвению. Подлинные масштабы этой трагедии замалчивались советскими историками. Тень от предательства командарма Андрея Власова пала на всех бойцов этой армии. Но в отличие от него 2-я Ударная исполнила свой долг. Отрезанная от главных сил, окружённая в Мясном Бору и обречённая на гибель, она многие месяцы держалась в «котле». Бойцы погибали, но не сдавались, сковывая значительные силы противника, спасая измученный Ленинград. Здесь героически сложили головы около 150 тысяч советских солдат и офицеров! Останки многих воинов до сих пор лежат в болотах, ждут своей очереди, когда будет восстановлена историческая справедливость и им отдадут последние почести.

У самого входа на территорию мемориала, по правую сторону, расположена могила двух юных девушек. Отважные подруги были на войне медсёстрами, работали в госпитале: ухаживали за ранеными, делали перевязки, обрабатывали раны, возвращали к жизни солдат. Судьба их была очень тяжёлой. Как только смогли они выдержать тяжёлый фронтовой быт, вынести в своём сердце все тяготы войны? Были они простыми молодёжками-девочками, а раненых были тысячи, десятки тысяч. Тяжело... Но они справлялись со своей задачей. За это им огромное спасибо от всего нынешнего молодого поколения, на чью долю, к счастью, не выпали такие испытания.

Сколько больших и малых мемориалов рассеяно по нашей земле! Слушая военные песни, рассказы фронтовиков о бывших кровопролитных сражениях, чувствуешь, как сжимается сердце... Безмерно жаль всех погибших на этой страшной войне. И каждый раз вспоминаешь, что мы живём именно благодаря этим людям. Это нам они отдали свою жизнь. И хочется ещё раз повторить: «Никто не забыт, ничто не забыто». Мы с вами навеки. Спасибо вам, наши родные.

Война не закончилась, пока не захоронен последний погибший солдат. А будет ли конец этой войне?

ОТЗЫВЫ о лекции В. Н. Варнаева в Детском музейном центре «Теодор Свиклин. Слово о генерале»

Максим Соцков
гр. 8061

Мы посетили музей, чтобы ознакомиться с некоторыми фактами и событиями, которые произошли в Новгороде в годы Великой Отечественной войны.

Владимир Николаевич Варнаев нам много рассказал о храбрости русских солдат и, в частности, о талантливейшем полководце Теодоре Андреевиче Свиклине. Проведённые им боевые операции были уникальными и больше никогда никем не повторялись.

Вопреки всем правилам безопасности, он «пролетел» на танке по льду на максимальной скорости, доказав, что это возможно,

Беседа старшего научного сотрудника детского музейного центра В. Н. Варнаева со студентами

и позволив тем самым нашим войскам переправиться к Юрьеву монастырю.

Я впервые услышал, как героически наши солдаты удерживали Кремль, уже после того, как основная часть советских войск оставила Новгород. Расстояние от Кремля до улицы Карла Маркса — не более полутора километров. Немцам удалось его преодолеть только за 5-6 дней. И это при том, что в среднем в годы войны немецкая армия проходила в день по 30-40 километров. Окончательного успеха немцам удалось добиться, только применив авиацию.

Очень понравился эмоциональный рассказ о событиях тех дней В. Н. Варнаева. Зная его давно как руководителя кружка по моделированию и созданию музейных экспонатов, хочу отдать ему должное как профессиональному историку.

Я надеюсь, что в нашей студенческой жизни ещё будут подобные беседы, потому что это интересно. Это воспитывает у молодёжи патриотические чувства и уважение к старшему поколению, которое завоевало Великую Победу.

Илья Швецов
гр. 7411

Так сражаются только русские!

Беседа о генерале Свиклине произвела впечатление и очень понравилась: познавательно, интересно, с отступлениями от основной темы и своим (Варнаева) взглядом на события.

То расстояние, которое мы сейчас можем пройти за 5 минут — от киноцентра до Кремля — фашисты шли 6 дней! Вот это подвиг защитников Кремля! Находясь в численном проигрыше, горстка смельчаков (их оставалось 20-30 человек) целую неделю удерживала в Кремле маленький домик рядом со звонницей. Так много сделать — не каждому по плечу. Так сражаются только русские. Без перерывов на обед и сон, сражаются, пока есть силы. В этом весь русский дух, вся воля русского человека.

Владимир Чежегов
гр. 70 61

Как мало мы знаем свою недавнюю историю!

Это очень печально, но до посещения музея мне было мало известно о нашем родном городе в годы Великой Отечественной войны. Как, я уверен, и многим другим новгородцам. Что уж говорить о жителях всей России! Мы все должны знать о значении битвы за Новгород и её вкладе в общую Победу, о людях, благодаря которым мы можем жить и радоваться жизни.

Беседа о генерале Свиклине была очень интересной. Нам показали уникальные фотоснимки и бесценные реликвии — подлинные предметы военного времени.

Виктор Карпушкин
гр. 8061

Его именем должна быть названа улица

В истории России ещё много страниц, которые с волнением открывают для себя наши современники. Хочу поделиться своими впечатлениями от лекции «Теодор Свиклин. Слово о генерале» ст. научного сотрудника Новгородского музея-заповедника В. Н. Варнаева.

Почему-то раньше мне казалось, что герой — это один необычный человек на фоне многих обычных людей, и что героизм не может быть массовым. Но история защиты и освобождения нашего города, о которой рассказывал нам Владимир Николаевич в Детском музейном центре, заставила меня изменить мнение на этот счёт.

Практически каждый, кто защищал и освобождал Новгород, проявил необычайный героизм. Ни количество войск, ни вооружение, ни гениальные планы военачальников — ничто так

Мясной Бор

не приводило в ужас вражеские войска, как героизм наших дедов и прадедов.

Считается, что солдат, не выполнивший приказ, — предатель, забывший о совести и чести... Но это далеко не всегда так.

В 1941 году под неимоверным напором нацистских войск наши соотечественники были вынуждены покинуть город. Уже был дан приказ к отступлению, но часть бойцов осталась без какой-либо надежды выжить в домике при Софийской звоннице.

Полтора, максимум, два десятка человек противостояли колоссальной военной мощи Третьего Рейха почти неделю. На все предложения сдаться в плен, а позже хотя бы просто отступить, враг получал отказы. Этот домик так и не был взят. Нападающим пришлось вывести все войска из Кремля и обрушить мощнейший артиллерийский удар по остаткам новгородского сопротивления.

На месте двухэтажного здания осталась глубокая воронка. Не осталось даже фундамента (это здание так и не смогли потом восстановить). Останки героев были разбросаны по всему Кремлю. Так что ни имён, ни даже численности героев той небольшой, но великой битвы мы никогда не узнаем.

А ведь это далеко не единственный случай героизма русских солдат во время боёв за наш город (что уж говорить про всю территорию нашей страны). Конечно, фотографии, показанные нам Варнаевым, передают лишь часть той картины, которую представлял собой наш город. Но понятно одно: практически

каждый новгородский дом стал могилой для героев. И об этом нельзя забывать. Имена героев высечены на гранитных плитах памятников. В честь командующих операцией освобождения Великого Новгорода — Ивана Терентьевича Коровникова и Кирилла Афанасьевича Мерецкова — названы улицы.

Именем Теодора-Вернера Андреевича Свиклина, который разработал и непосредственно осуществил самый невероятный и в то же время гениальный план освобождения города, возможно, за всю историю Великой Отечественной войны, должна быть тоже названа одна из улиц нашего города. Это будет справедливо.

Не так давно Великий Новгород получил почётное звание «Город воинской славы». И всё это, несомненно, важные шаги на пути к тому, чтобы герои нашей страны и нашего родного города никогда не были забыты. В то же время, на мой взгляд, главным и лучшим памятником для всех героев и жертв этой страшной войны станет место в памяти каждого россиянина и обязательно — новгородца. Особенно для тех героев, имена которых никто никогда так и не узнает.

**Вам, живым и павшим героям
Великой Отечественной войны,
посвящается этот сборник**

*Как мало их осталось на земле
Не ходят ноги и тревожат раны,
И ночью курят, чтобы в страшном сне,
Вновь не стреляли в них на поле брани.*

*Мне хочется их каждого обнять,
Теплом душевным с ними поделиться,
Была бы сила, чтобы время вспять...
Но я не бог...война им снова снится.*

*Пусть внукам не достанется война
И грязь её потомков не коснётся,
Пусть курит бывший ротный старшина
И слышит, как внучок во сне смеётся.*

Юрий Соловьёв (05.05.2008 г.)

Историко-краеведческое издание

Одна на всех победа

Сборник эссе к 67-летию Великой Победы

Составитель
Булгакова Алла Филипповна

Оригинал-макет подготовлен
Политехническим институтом НовГУ

Подписано в печать 13.03.2012. Формат 90×60/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл.печт.л. 9,5
Тираж 200 экз. Заказ № 007.

Вам, живым и павшим героям Великой Отечественной войны, посвящается этот сборник

*Как мало их осталось на земле.
Не ходят ноги и тревожат раны,
и ночью курят, чтобы в страшном сне,
вновь не стреляли в них на поле брани.*

*Мне хочется их каждого обнять,
теплом душевным с ними поделиться,
Была бы сила, чтобы время вспять,
но я не бог...война им снова снится.*

*Пусть внукам не достанется война,
и грязь её потомков не коснётся,
пусть курит бывший ротный старшина
и слышит, как внучок во сне смеётся.*

Юрий Соловьёв (05.05.2008 г.)

